

ЛЕОНИД СЕРГЕЕВ

СЧАСТЛИВЫЕ
И
НЕСЧАСТНЫЕ

Леонид Сергеев

**Счастливые и
несчастные (сборник)**

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

Сергеев Л. А.

Счастливые и несчастные (сборник) / Л. А. Сергеев — «У
Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-372-3

Творчество Леонида Сергеева отличают проникновенное внимание автора к человеческим судьбам, самобытная интонация, лирический тон и юмор. Его книги переведены на английский, польский и болгарский языки. Автор-лауреат всероссийских и международных литературных премий.

УДК 82-3
ББК 84 (2Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-00095-372-3

© Сергеев Л. А., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Ведьма	6
Смеется и плачет	10
Пусть завидуют!	15
Тёплый летний вечер	21
Ещё увидимся!!	26
Под снегопадом	29
До завтра!	33
Самый плохой на свете	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Леонид Сергеев
Счастливые и несчастные. Романтические
и неромантические истории

© Сергеев Л.А., текст, оформление, 2017

Ведьма

Так вот, ребята, сразу скажу вам – у этой азартной девчонки внутри бушевал огонь. Одержимая, неугомонная она, рыжая бестия, будоражила всю нашу байдарочную компанию. Представляете, не успеет пристать к берегу на дневку – перекусить, отдохнуть в тенишке, посмотрим – она уже улепетывает в деревню, а через полчаса – скачет к нам... верхом на лошади!

– Дали покататься! Подходите! – кричит издали ликующим голосом – улыбка до ушей, рыжие волосы развиваются, как языки пламени.

Или приведет с собой ватагу мальчишек и те с гиканьем полезут в наши лодки, начнут приставать: «А это что? А это зачем?» Все перевернут вверх тормашками, какой уж тут отдых!

Ее переполняла неуемная жажда жизни. Бывало, ветрено, дождь сечет, а ей все нипочем – выскакивает из палатки и, распевая веселый мотивчик, начинает танцевать под дождем, а то и скинет платье и – бултых! – в воду:

– Водичка прелесть! Вылезайте, устроим заплыв наперегонки! – кричит, захлебываясь – не водой – радостью!

И мы невольно взбодримся, тоже прыгаем в воду – сами знаете, от страстных, горячих людей исходит заразная энергия, а от нее просто-напросто исходила нешуточная магическая сила.

На стоянках она никогда не сидела без дела: вместе с нами, мужиками, таскала сушняк для костра, была самой активной поварихой и, само собой, – грибником и рыболовом. И спортсменкой, которая постоянно подбивала нас на разные игры, при этом восклицала:

– Я не дам вам нагуливать жирок!

И чем бы она не занималась, всегда напевала что-нибудь веселенькое. Такое состояние души!.. Словом, она, непоседа, не давала нам расслабиться и прямо летала по лагерю, как юная сияющая ведьма – ей только не хватало метлы. Мы в шутку ее так и звали: наша Ведьма. Наша рыжая Ведьма Веруня. Она не обижалась. Да и чего обижаться? Она прекрасно знала, что мы ее любим. Но, главное, ребята, как вы догадываетесь, своей деятельностью и весельем Веруня снимала нашу усталость, сглаживала мелкие разногласия, которые изредка у нас возникали, а без них, смею вас уверить, не бывает походов.

Ну, а по вечерам у костра – это уж непременно – Веруня брала гитару и исполняла свой бардовский репертуар – она писала стихи и подбирала к ним мелодии. Но спев две-три вещи, переходила на известные наши песни (она помнила их сотни). Тут уж, понятно, и мы начинали ей подпевать и расходились все больше. И вот что я вам скажу, ребята: в те моменты мы как-то особенно чувствовали нашу спаянность, прочность нашей дружбы, несмотря на разницу в возрасте и жизненный опыт. Ну, то есть, я хочу сказать – ничто так не сближает людей, как хоровое пение. А все потому, что песни – это душа народа, и когда они поются одновременно несколькими людьми, их, по большому счету, сплачивает любовь к своей родине, а это немаловажная штука, поверьте мне, ребята. Не знаю, как вам, а мне, к примеру, в искусстве неинтересны работы человека, который не любит свою родину. А таких сейчас немало, сами знаете. И среди них есть талантливые люди, не спорю, но приглядитесь – в их работах всегда есть негатив, а то и гниль. Между тем, обратите внимание, работы мастеров патриотов излучают свет, доброту. Чувствуете разницу?

Ладно, пойдем дальше о нашей Веруне, нашей рыжей чародейке. Как вы догадываетесь, по утрам она вставала первой и бегала босиком по росе – закалялась. А когда мы вылезали из палаток, над костром уже дымились каша и чай. Обычно мы просыпались от ее голоса: она собирала цветы в лугах или плавала в реке и, как всегда, пела. Но, случилось, мы просыпались от тишины. «Уж не случилось ли что с нашей певуньей?» – думали. А она сидела у реки за мольбертом и писала этюд. Да-да, ребята, у нее было множество талантов. Вместе с моей

дочерью она окончила прикладное художественное училище и работала гримером в театре, и, в отличие от моей дочери лентяйки, постоянно занималась живописью: в театре писала портреты актеров, а в наших походах не упускала случая запечатлеть живописное место, а на реке таких мест, сами понимаете, всегда полно. Что интересно – она своеобразно настраивала себя на работу:

– Чтобы что-то получилось, надо на себя разозлиться, – говорила.

Вот так, ребята. Такая требовательность к себе. Не то, что некоторые, вроде моей дочери, которые ждут хорошего настроения, им подавай благоприятные условия и прочее. Всегда можно оправдать свою лень. Успеха добиваются только те, кто работает через «не могу». Согласны?

Все дни напролет Веруня проводила сверхнасыщенно, но, странное дело, мы никогда не видели ее уставшей, она и спать ложилась позже нас всех. Ну, а как я уже сказал, вставала первой и всегда в отличном настроении. Не раз кто-нибудь из наших мужиков вылезал из палатки насупившись, жаловался на «кошмарные сны» – Веруня тут же откликнулась:

– Скорее ныряй в воду, сразу будешь, как огурчик!

А когда страдалец выходил из воды, смеялась:

– Чтобы снились красивые сны, надо на ночь съесть что-нибудь сладкое или погулять вдоль реки с красивой девушкой. Только и всего.

Она находила простые решения в любой ситуации.

Самое время представить нашу разновозрастную компанию. Значит так. Это прежде всего неразлучные подруги, двадцатилетние Веруня и моя дочь. Затем три супружеские пары средних лет (из них две с детьми). И, наконец, трое сорокапяти-сорокасеми-летних «стариканов» (я в их числе; кстати, я считался капитаном, поскольку раньше всех начал осваивать речные просторы и имел самую большую трехместную байдарку; собственно, я и сколотил нашу компанию). Всего у нас было пять лодок – такая внушительная флотилия «комариных» суденышек, как небрежно называют маломерные посудины. Между тем, в «комариных» каноэ – тех же байдарках – пересекали океан!

Но я отвлекся, ребята. Вернусь к Веруне. По возвращении в Москву никто иной, а именно она обзванивала всех нас, собирала на просмотр слайдов о походе, а в дальнейшем – на дни рождения каждого из нас и, разумеется, на все праздники. Иногда сообщала какой-нибудь «праздник середины осени» или «праздник первого снега», а когда мы собирались, объявляла, что придумала повод для встречи. Но чаще всего она просто с обезоруживающей искренностью кричала в трубку:

– Я соскучилась, давайте встретимся!

Общительная, дружелюбная, Веруня участвовала в жизни каждого из нас, подогрела в работе и во всех начинаниях – как бы вдохновляла на подвиги. Можно сказать, несмотря на молодость, наша рыжая Ведьма одновременно была нашим вождем. И длилось это на протяжении трех-четырех лет. Но однажды...

Да, ребята, однажды наша золотоволосая красавица влюбилась. Об этом она сообщила каждому из нас по телефону звонким от счастья голосом. И пропала на несколько месяцев. Без нее мы пару раз собирались, но, сами понимаете, все уже было не то – другими словами, наша компания попросту потускнела. Как стало известно позднее, Веруня влюбилась в мужчину моего возраста, женатого, отца двоих детей. Так бывает, ребята, так бывает.

Она появилась со своим возлюбленным на мой день рождения, когда вся наша компания была в сборе и мы застольничали – не бурно, не вяло – средне. И вдруг является эта парочка: Веруня, как всегда, в отличной форме, да еще освещенная счастьем, и он – мрачноватый верзила, который сразу всех стал называть на «ты», кое-кого похлопал по плечу. Естественно, это его панибратство – проще говоря, развязность – нам не понравилась; особенно женской половине нашей компании. А сияющая Веруня торопливо говорила:

– ... Он охотник... Мы уже были в тайге... Ходили на медведя... Скоро поедем охотиться на лося...

– Да, завалили косолапого. Да, будем брать сохатого, – подтверждал верзила, одновременно выпивая и закусывая.

Он быстро набрался и стал хвастаться, каких животных, когда и где «завалил». Если бы не Веруня – как бы это сказать помягче – ну, я выгнал бы его – ненавижу тех, кто убивает животных ради развлечения. Тоже мне героизм! Но и Веруня нас удивила – она всегда любила животных и вдруг – охота! И всегда она была душой компании, а теперь сидела тихо, с неммым восхищением смотрела на верзилу (так мы все, не сговариваясь, его прозвали), слушала его хвастовство, ловила каждое его слово, раскрыв рот. Стало ясно, она совсем потеряла голову. И это неглупая, уже двадцатипятилетняя женщина! Мы представляли рядом с Веруней мужчину немного старше ее, неженатого, порядочного, компанейского, который станет членом нашей байдарочной эскадры, и вдруг этот дубоватый амбал! В общем, от прежней Веруни осталась только улыбка. Вот так, ребята, неожиданно от искрометной Ведьмы осталась только ее тень.

После того, как они уехали, моя дочь сообщила, что верзила, ради Веруни, ушел из своей семьи, что живут они у Веруни (у нее с матерью, интеллигентной женщиной, была трехкомнатная квартира), но мать Веруни не одобряет их отношений.

Больше Веруня не появлялась и, само собой, ей стало не до байдарочных походов – перед ее безумной любовью все отошло на второй план. Она изредка звонила только моей дочери. И вот, спустя год, дочь сообщает мне:

– Представляешь, у Рыжей (так она звала Веруню, а та, в свою очередь, ее – Лохматая – дочь не делала никаких причесок) все стало плохо. Верзила и не собирается разводиться с женой. Хорошо устроился. И с матерью у Рыжей начались трения.

Позднее мне позвонила мать Веруни. Жутко расстроенная, она жаловалась на «сожителей», просила «как капитана» повлиять на ее «взбалмошную» дочь. Будучи добропорядочной женщиной и любящей матерью, она хотела, чтобы у дочери все сложилось по-человечески, а тут такое! Известное дело, влиять на влюбленного человека – дохлое дело, но я все же решил поговорить с Веруней, только когда позвонил, ее уже не застал. Оказалось, мать потребовала от «сожителей» или вступить в брак или уходить и снимать комнату.

– Я больше не потерплю ваших любовных отношений, – заявила. – Был бы жив отец, он давно прогнал бы вас, а я полтора года терплю. Семья должна быть семьей, а у вас не поймешь что!

Веруня сняла комнату, но верзила пробыл там недолго и вернулся в свою семью. Этого следовало ожидать – всем нам такой поворот был ясен с самого начала их отношений, только Веруня, по словам моей дочери, «надеялась, что они распишутся». Такая неоригинальная история – сами знаете, подобное происходит сплошь и рядом. Короче, Веруня оказалась покинутой, униженной. К матери она не вернулась – посчитала ее виновницей «разбитой любви».

И вот в этот самый момент, когда Веруне казалось, что ее жизнь потеряла всякий смысл, она вдруг встречает пожилую пару, глубоко верующих людей – на вид вполне добропорядочных. Вроде, они сами к ней подошли, заметив ее потерянную, не от мира сего. Неторопливо, доверительно эти «благодетели» посоветовали Веруне поехать в Коломенский женский монастырь. И что вы думаете, ребята? Веруня поехала и осталась в монастыре. (Позднее она призналась, что пожилые верующие люди ее загипнотизировали. Все может быть, ведь Веруня в те дни была в полной растерянности. Как говорила моя дочь, «у нее взгляд стал какой-то потусторонний, она как-то смотрит мимо меня»).

А теперь, ребята, представьте, чем для всех нас стало это событие. Наша заземленная неутомимая Веруня отрешается от любимой работы, друзей, бардовских песен, занятий спортом, не говоря уж о наших походах, и замыкается в стенах монастыря! Для нас это стало потрясением.

Через год моя дочь навестила Веруню. Потом рассказала:

– Представляешь, настоятельница монастыря очень ценит Рыжую. Быстро сделала ее послушницей, а сейчас она уже монахиня.

– Ведьма стала монахиней, – с грустью усмехнулся я.

– Она изменилась, – продолжала дочь. – Руки у нее стали грубые, лицо усталое...

– Естественно, они там не только читают молитвы перед иконами, но и вкалывают. Монастыри сами себя всем обеспечивают.

Да, ребята, вот так все повернулось. А время между тем летело с бешеной скоростью, год проносился за годом, и как-то незаметно пролетели шестнадцать лет! Для таких, как я – уже стариканов без кавычек – незаметно. Вам, молодым, этого не понять. Для вас-то ясно – заметно, и еще как! Но именно столько прошло до того дня, когда моя дочь позвонила и чуть ли не крикнула в трубку:

– Рыжая приехала! Она на машине, сама водит! Сейчас прикатим к тебе!

Я вышел их встречать. И представил Веруню пополневшей, увядшей раньше времени от тяжелой работы и однообразной жизни в монастыре, представил ее с тусклым взглядом, мозолистыми руками... А из «иномарки» вышла прежняя Веруня – понятно, повзрослевшая, но такая же стремительная, жизнерадостная, какой была когда-то. В современном костюме она выглядела как нельзя лучше – как деловая женщина средних лет.

– Здравствуй, дорогая Ведьма! – сказал я.

– Здравствуй, дорогой капитан! – сказала Веруня.

Мы обнялись, расцеловались... За столом Веруня рассказала все: и как попала в монастырь, и как, несмотря на строгие устои и чопорность в обители, развила там кипучую деятельность, ввела много новшеств – в подворье разбила цветники, создала конеферму, разводила служебных собак...

– ...Было тяжело, но и интересно, – восторженно говорила Веруня. – Но больше уставала от ежедневного штудирования библии... Да еще разочаровалась в некоторых священнослужителях... Среди них есть плохие люди... Я поняла, что можно почитать Бога, но жить, как живет большинство людей... Долго колебалась, стояла перед выбором – оставаться в монастыре или вернуться в мирскую жизнь. Уже привязалась к лошадям и собакам, жалко их было оставлять. Правда, там есть несколько человек, которые их любят... Потому и решилась... Я уже скоро месяц, как живу с матерью.

Я сказал, что очень рад, что в конце концов ее природное жизнелюбие взяло верх. А Веруня вдруг открыла тайну:

– ...Скоро приглашу всю нашу байдарочную компанию на свадьбу! Выхожу замуж. Он актер в театре, где я работала гримером. Он на десять лет старше меня, был женат, развелся... Мы и раньше симпатизировали друг другу, и вот встретились... И любовь... – Веруня засмеялась. – Скоро вернусь в театр, а пока устроилась в одно бюро, регистрирую породистых собак... Вот взяла в кредит «иномарку»...

Мы проговорили часа три. Когда прощались, Веруня сказала:

– Я так соскучилась по нашей байдарочной компании!

Я изобразил серьезный «капитанский» вид:

– Если отдам команду: «Всем по лодкам!», присоединишься?

– Непременно! Об этом не может быть и речи. Наши походы – лучшее в моей жизни!

Смеется и плачет

Весной в том поселке на пригорках острая, как иголки, трава, на кустарнике желтый мох, над платформой клубится пар, вдоль железнодорожной колеи бегут ручьи, а в воздухе кругло-суточный гомон птиц. Обычно Андрей приезжает в поселок в марте, когда с крыш еще сползает снег и грохочут сосульки. Хозяйка сдает ему веранду, на которой, кроме стола, лавки и раскладушки, на случай заморозков имеется железная печурка, но веранда с двойными застекленными рамами, тепло держит хорошо, и топить печурку Андрею не приходится.

До поселка пятнадцать минут езды на электричке от станции метро «Войковская», так что после работы Андрей добирается до своего пристанища быстрее многих сослуживцев, живущих в центре города.

– Я нервный, врачи советуют жить на природе, – объясняет Андрей приятелям свое добровольное затворничество.

Кто-кто, а приятели знают, как у него «шалют нервы», какой он раздражительный и болезненно подозрительный – на себе не раз испытывали его «закидоны», потому и посмеиваются:

– Таких, как ты, успокаивает не природа, а женитьба.

В том поселке среди однотипных домов попадаются и необычные – сплошь из балконов, террас, веранд, и ясно – владельцы этих дач стремятся уйти от стереотипов. И среди поселчан немало оригиналов, для которых покататься на велосипеде или почитать книгу в гамаке важнее всяких грядок. А около платформы на столбах рядом с объявлениями о «купле-продаже» вдруг прочитаешь нечто прекрасное: «Ну, кто смелый? Кто возьмет на себя хозяйство: большой дом, восемь соток земли, троих детей и блондинку средних лет с хорошим характером?!».

Так получилось, что в прошлом году Андрей выбрался в поселок только в середине мая и не застал раннего пробуждения природы, но все равно время было замечательное: цвела черемуха, в садах распевали соловьи, дачники уже вовсю работали на участках. Лишь соседний участок, как всегда, пустовал. Он принадлежал известному писателю и был одним из самых обширных в поселке, с высоченными, разлапистыми елями, за которыми виднелся строгий двухэтажный особняк – «холодный дом», как его называла хозяйка Андрея. Летом время от времени писатель навещался на дачу. Он приезжал на старомодном «ЗИМе», отпирал входную дверь, и несколько дней из дома доносился стук пишущей машинки и хриплый кашель.

Писатель был пожилым человеком, худощавым и по-юношески изящным. По слухам, с женой он разошелся и жил один в большой квартире в районе Садового кольца. Говорили также, что он болен какой-то неизлечимой болезнью. Андрей прожил в поселке два летних сезона, но видел знаменитого соседа всего несколько раз, а разговаривал с ним и вовсе однажды.

Как-то Андрей ремонтировал хозяйскую изгородь; только прибил рейки, как рухнул сгнивший столб. Некоторое время незадачливый плотник в растерянности соображал, что делать дальше; вдруг слышит, его окликает писатель:

– Молодой человек! – и машет рукой, стоя около калитки. – У меня за гаражом лежат столбы, из них можно что-нибудь подобрать, – и, когда Андрей подошел, ободряюще, с улыбкой добавил: – Главное – не раскисать от неудач. Человек ведь и проверяется в минуты неудач, горьких испытаний.

Он помог Андрею выбрать столб и подробно, со знанием дела, объяснил, как его следует обтесать, обмазать дегтем и утрамбовать в яме битым кирпичом.

В прошлом году, в конце мая, писатель неожиданно приехал на участок с молодой брюнеткой. На вид ей было чуть больше двадцати лет, держалась она чересчур свободно: с беззаботным смехом выскочила из машины, пронеслась по участку, точно измеряя владения, кото-

рые ей неожиданно-негаданно достались, потом подбежала к писателю и с чарующей улыбкой, открыто и безбоязненно обняла и поцеловала его.

Вбежав в дом, она распахнула настежь окна и, явно давая писателю понять, что она усердная хозяйка, а не какая-нибудь легкомысленная бездельница, стала наводить в комнатах порядок. С веранды Андрей отлично видел эту деятельность: она двигала мебель, снимала занавески, мыла посуду, при этом то громко пела, то заразительно смеялась и все время посматривала на себя в зеркало.

– Небось, уверена, что она картинка – глаз не оторвешь, – усмехнулся Андрей.

Сложена она, действительно, была неплохо и лицо имела довольно привлекательное – словом, на взгляд Андрея, выглядела смазливой девицей, но не больше. А вот ее поведение вызывало у него неприязнь – он считал, что новоиспеченная хозяйка вела себя чересчур показно, что ее веселье – всего лишь ловкое притворство. В тот день прошел первый теплый дождь и она, мокрая и развеселая, танцевала перед домом – шлепала в ботах по лужам, выписывала некие водяные знаки, предварительно запустив на террасе магнитофон. А писатель наблюдал за ее танцами из окна и, радостно улыбаясь, аплодировал.

– Как можно представить весну без майского дождя?! – она раскидывала руки, готовая обнять весь участок, и непрерывно смеялась.

Девица слишком изображала переполненную счастьем и, по понятиям Андрея, за этим виделся определенный расчет.

В полдень они обедали на террасе, и опять брюнетка корчила из себя внимательную, заботливую хозяйку. Повязав яркий передник, пританцовывая, картинно накрывала на стол, все время что-то подавала писателю, что-то пододвигала к нему – казалось, готова ползать за ним на животе и носить в зубах его тапочки. Она без умолку болтала, прямо не закрывала рот и беззастенчиво показывала себя, уверенная, что красивей и добросердечней, чем она, женщин не бывает. Похоже, это же она внушала и писателю. Обычно невозмутимый и сдержанный, рядом с ней он испытывал состояние возбуждения; словно опьяненный неотрывно любовался ею, с наивной бесхитростностью внимал ее словам.

После обеда они гуляли по поселку; вначале шли, взявшись за руки, потом в обнимку, причем она так и висла на нем, – можно было подумать: любит без памяти, не ест и не спит без него и будет ему верна до последнего вздоха. Они выглядели смешно, нелепо: он – седой, лысеющий, в темном костюме, и она – юная, легкая, в открытом коротком платье. В этом контрасте было что-то противоестественное, не зря поселчане посылали вдогонку писателю косые, осуждающие взгляды – по их нравственным меркам он вел себя вызывающе и глупо. Демонстрируя свое легкомысленное знакомство, он игнорировал общественные устои поселка. Некоторые сочувствовали писателю, говорили, что этот приступ поздней любви непременно закончится печально – молодая любовница доконает его. Но к вечеру пришли достоверные сведения, что брюнетка вовсе не любовница, а новая жена и что поселчане являются свидетелями не какого-то легковесного приключения, а медового месяца законных супругов.

Вечером хозяйка сообщила Андрею:

– Ей двадцать два года. Она недавно приехала из Ростовской области и работает на заводе по лимиту. Говорят, их даже расписывать не хотели... И где она его подцепила только?.. Но хваткая. Сразу поняла: у него положение, квартира, дача... И как он, умный человек, не видит, что она играет в любовь! Какие все же мужчины близорукие... Сколько вокруг хороших одиноких женщин, которые были бы примерными женами, так нет! – выбирают себе разных свишешек...

В последующие дни брюнетка полностью подкрепила первое впечатление о себе. Переделав на новый манер все внутри дома, она привезла из города целый «пикап» всевозможных вещей, среди которых Андрей заметил садовый инструмент и цветочную рассаду, велосипед, проигрыватель и кучу пластинок. Потом она принялась за участок: разбила цветники,

дорожку от калитки уложила плитками, меж деревьев повесила гамак. Но самое странное брюнетка устроила за домом – там она исхитрилась соорудить некий спорткомплекс: разметила площадки для игры в теннис и бадминтон, установила какой-то диковинный тренажер, под навесом на лавке разложила ракетки, мячи, кегли, фрисби.

Андрей понял – молодая жена решила обосноваться на даче обстоятельно и надолго, а главное, полностью изменить уединенный, деловой образ жизни писателя. Так оно и получилось. Уже через неделю писатель, точно мальчишка, с непонятным рвением гонял на велосипеде в продовольственный магазин, а на спортплощадке с женой махал ракетками, катал шары и при этом восклицал с сияющей улыбкой:

– Ты умница! Именно этого мне и не хватало. Ты превратила холодный дом в настоящий оазис красоты и здоровья. Я так благодарен тебе... Знаешь, сегодня утром мне даже работалось как никогда... Ты облегчаешь, скрашиваешь мою жизнь, а я помогу тебе найти себя, попытаюсь обозначить твою судьбу.

В ответ она заливалась звонким смехом.

Теперь по утрам она выскакивала на террасу, запрокидывала голову, улыбалась и потягивалась, как бы возвещая всему поселку, что видела золотой сон. Потом звала писателя, и они делали гимнастику – подпрыгивали и махали руками.

После завтрака писатель уединялся в кабинете, садился за пишущую машинку, а его благоверная порхала по кухне, но уже вела себя более-менее тихо. «Не хватало еще, чтобы и сейчас, когда писатель работает, устраивала танцульки», – раздраженно думал Андрей.

Чем занимались «молодожены» днем, Андрей не знал – к этому времени он уезжал на работу, но, по словам хозяйки, «молодая жинка» (так она называла девицу) время от времени чуть ли не насильно тянула писателя на спортплощадку.

По вечерам писатель читал девице отпечатанное на машинке. Она охала и ахала, прерывала чтение возгласами:

– Потрясающе!

А когда он откладывал листы, с откровенно прямой лестью превозносила его талант. Андрей слышал почти все, что она говорила, а то, чего не слышал, домысливал. Восторги девицы злили его не на шутку, ему так и хотелось крикнуть: «Заткнись, лицемерка!»

Тем не менее от нового образа жизни писатель заметно посвежел и помолодел, но Андрей-то чувствовал, к чему ведут спортивные игры, всякие губительные страсти. Он был уверен, что провинциалочка все четко вычислила и действовала методично, изуверски, без всякой жалости и сострадания. Она прекрасно знала, как влюбить в себя одинокого, доверчивого человека, и знала, как можно избавиться от него. Изредка встречаясь с ней взглядами, Андрей видел ее едкую ухмылку – у этой бестии все было написано на лице, и Андрей просто поражался недогадливости писателя, «знатока человеческих душ».

Спустя неделю писатель съездил в город и вернулся с полной машиной свертков и коробок. Как правило, по утрам он работал, а здесь уехал ни свет ни заря. «Явно укатил по указке жены, – решил Андрей. – Она приумножает свой будущий капитал. Но это только начало, скоро она покажет себя во всем блеске».

В выходные дни к ним зачастили гости. Они приезжали шумной ватагой и, заполнив дом и участок, устраивали такое веселье, что соседи только укоризненно вздыхали. А гости знай себе расхваливают супругов. Особенно ее. Веранда Андрея была хорошим наблюдательным пунктом, и он отчетливо все видел и слышал. То один, то другой мужчина подходил к писателю и говорил:

– Она прелесть! Лучшей жены и желать нельзя. Веселая, умная.

– Да, да, – наивно соглашался он. – Никогда не думал, что под старость мне так повезет... Она, знаете ли, по-настоящему любит меня. И я ее... Это кажется смешным, но тем не менее это так... Она необыкновенная, все тонко чувствует... Интуитивно догадывается о том, к чему

я пришел в результате многолетних раздумий... Она перепечатывает мои работы, завела картотеку, в которой отмечает все, что я сделал, и ходит за меня по издательствам... Но главное – она заменила мне всех врачей и медсестер. Научилась делать уколы и массаж...

«Ну ладно писатель, – рассуждал Андрей. – Он просто потерял голову от этой красотки, но куда смотрят его знакомые! Почему они, взрослые люди, считают сожителем столь разных людей райской гармонией! Неужели им невдомек, что подобные отношения никакая не любовь, попросту изощренная игра насквозь порочной девицы!»

Гости засиживались на даче до темноты, потом писатель с женой провожали их до платформы, а вернувшись, устраивались на ступенях террасы и о чем-то вполголоса разговаривали. Иногда она поспешно вскакивала и в комнате тихо включала музыку, затем снова садилась на ступени и ластилась к нему, и все время, затаив дыхание, смотрела на него, как зачарованная – весь ее вид выражал безграничную покорность и преданность.

Андрей наблюдал за романтической парочкой, и гнев искажал его лицо. «Это надо же так прикидываться! – думал он. – Поглаживает его плечи, а сама наверняка подсчитывает, сколько ей достанется после его смерти». Для Андрея было совершенно ясно, что ласки подобных практичных девиц находятся в прямой зависимости от степени богатства мужчин. Андрей твердо решил вывести ее на чистую воду.

Однажды в полдень, улучив момент, когда она вышла за калитку, Андрей подошел и, сухо поздравившись, сказал:

– Поздравляю вас, соседка, с удачным замужеством.

– Спасибо! – она вздернула плечи и растянула рот в издевательской улыбке. – Меня только тревожит здоровье моего мужа.

– Еще бы! – зло усмехнулся Андрей, как бы делая промежуточный ход.

Она изобразила величайшее изумление, словно не догадываясь, что Андрей имел в виду, словно все, в чем он ее подозревает, – ложные обвинения.

– Конечно, ведь он далеко не молод, – пояснил Андрей.

– Не поэтому, – фыркнула она. – Он болен давно. А сейчас он как раз молодой. У него молодой дух, и он оптимист, не то что молодые по возрасту мужчины. Те зациклены на себе. Они эгоисты, живут только для себя. И помешаны на своей необыкновенности... А мой муж умный, талантливый и скромный. И очень добрый, отзывчивый, вот только... – она перешла на плаксивые нотки, – болен. Но я излечу его. Мы занимаемся спортом, много гуляем, осенью поедem к морю.

Больше Андрей с ней не разговаривал, только насмешливо здоровался при встрече, а она, отвечая на его приветствие, с брезгливым холодком смотрела в сторону.

В середине лета у писателя случилось обострение болезни. Девица выводила его на участок, усаживала в кресло в тени под деревьями, рядом ставила столик с лекарствами. Она укутывала его пледом, читала вслух журналы и книги, говорила кротким голосом с горестным выражением на лице. Она выказывала прямо-таки искреннюю озабоченность, страшнейшее беспокойство состоянием его здоровья. В ответ он робко улыбался, как бы извиняясь за свою немощь, за то, что доставляет ей столько хлопот.

– У тебя такой прекрасный голос, – бормотал он. – Твой голос – лучшее лекарство для меня.

Случалось, она ненадолго отходила от мужа и тогда вроде бы украдкой всхлипывала и что-то взволнованно шептала, а после того, как на даче побывал врач, долго сидела за домом в глубоком унынии, опустив голову, и плакала почти неподдельными слезами. За всей этой слезливостью, наигранным огорчением проницательный Андрей видел раздражение, вызванное тем, что ей приходится возиться со стариком, тратить свою юность на беспомощную развалину. «Вот актриса! – сквозь зубы цедил он. – Строит из себя бескорыстную жертву».

Вскоре писателя увезли в больницу, и почти месяц дача пустовала. Но потом супруги появились вновь.

– В больнице сказали, что он безнадежен, – сообщила хозяйка Андрею. – Она забрала его оттуда. Хочет пригласить травознаек.

В самом деле, на дачу стали наведываться гомеопаты и старухи с разными зельями. Девушка как бы в отчаянии металась от одних врачей к другим. Она просиживала около больного целые часы, иступленно ломала руки и что-то монотонно причитала. От этого бесчеловечного артистизма Андрей прямо-таки выходил из себя, шастал, взвинченный, по веранде и сыпал проклятия.

В какой-то момент писателю стало лучше. Раза два он даже прошелся по участку, одной рукой опираясь на локоть девушки, другой – на палку. Он смотрел на уже увядающие цветы и желтеющую хвою и грустно улыбался; казалось, прощается со всем тем, что много лет ему служило приютом уединения и тишины, а последние месяцы – обителью счастья. На его лице была гримаса бесконечной скорби; казалось, он хотел сказать: «Как жаль, что именно сейчас, когда я только начал новую жизнь, меня так скрутило».

На исходе лета он умер. В тот день Андрей проснулся от странных звуков; приподнявшись, увидел, что на террасе писательского дома сидит девушка и, обхватив голову, протяжно воет.

Одни из посельчан говорили, что у писателя просто остановилось сердце, другие уверяли, что он принял на ночь снотворное и оставил записку, в которой просил прощения у молодой жены и сообщал, что не хочет быть ей обузой. Андрей считал последнее ближе к истине, но подумывал, что снотворное скорее всего подсунула сама девушка.

Через несколько дней Андрей съезжал с дачи. Собрав вещи, зашел попрощаться с хозяйкой. Она уже ждала его: напекла пирогов, разогрела самовар; за чаепитием сообщила последние новости:

– ...А жинка-то, оказывается, уехала к матери в свою Ростовскую область. Выписалась из Москвы и уехала... И квартиру, и дачу – все оставила первой супруге писателя...

Пусть завидуют!

А. Булаеву

Один мой знакомый – да что скрывать, в сущности это мой недалекий двоюродный брат – вообразил себя крупным поэтом. К пятидесяти годам он накопил множество стихов и даже издал пару сборников, но в его виршах чего-то не хватало, не знаю точно, чего – пожалуй, души; они были неплохо отделаны, напичканы образами, но не будоражили, от них не становилось жарко или холодно. Все его строфы воспевали любовь. Это и понятно, для многих творческих натур женщины – почти основа жизни, именно почти, потому что все же основным является творчество.

Я работаю продавцом художественной литературы, то есть в какой-то степени тоже творческий человек, но, несмотря на зрелый возраст, еще окончательно не решил, что для меня важнее: женщины или книги, хотя уже склоняюсь к мысли – ни то, ни другое, а третье – общение с друзьями.

Так вот, о моем братце. Представьте себе рафинированного сноба, который пыжится выглядеть необычно, самоутверждается за счет роскошного костюма, эффектной прически, в компании пытается быть современным, щеголяет модными словечками, покуривает дорогие сигареты, но выглядит нелепо, и курить не умеет – наберет дым за щеки и выпускает длинной струей. Все это, и многие другие парадные демонстрации – от внутренней неуверенности и своей незначительности; известное дело, когда у человека маловато за душой, он старается привлечь внимание внешними атрибутами и показными штучками. Брат напоминает наших эстрадных идолов – полуголое тело, подпрыгивание, оглушительный визг, шокирующий текст – и ноль таланта, ничто не трогает сердце. Некоторые из этих самых идолов прекрасны внешне и, возможно, прекрасны в семье, в дружбе, в постели, но зачем лезут на сцену! Оставались бы в семье или в постели.

Крайне интересен мой братец в интерьере своей холостяцкой квартиры – здесь с него спадает показной налет и обнажается истинное лицо – такого седовласого юнца, большого мальчика, который так и не избавился от идеалистических представлений и стоит одной ногой в прошлом, другой – в будущем, а настоящее переступает. Он живет в тумане, в пыльном тумане – в прямом смысле слов – годами не вытирает пыль, «чтобы уйти от пошлой реальности». У него пыльные окна и занавески; толстым слоем пыль покрывает все вещи, большинство из которых страшно старомодные, из немыслимо далекого прошлого.

– Старые вещи как ничто дают почувствовать время, – изрекает брат. – Я собиратель прошлого... Пуританских ценностей...

Свои странности есть у каждого, но брат переплюнул всех. Как-то я хотел сдуть пыль с одной штуковины, чтобы лучше ее рассмотреть, брат тут же вспыхнул:

– Не вздумай! На старых вещах не только пыль, но и печаль!

Он вообще постоянно меня поучает:

– Тебе надо сменить гардероб (надо сказать, я годами ношу одни и те же вещи; галстуки не терплю, брюки не глажу, бреюсь раз в неделю).

И поправляет меня брат частенько:

– Не сколько времени, а который час. В твоём возрасте пора бы уже грамотно выражаться по-русски.

Я уже говорил, что достаточно близок к творческим людям, можно сказать, мы вращаемся бок о бок, как шестеренки – это вращенье особо заметно в клубе книголюбов – самом суматошном месте в городе, где по вечерам собираются поэты, художники, представители моей профессии; и, разумеется, это вращенье особо шумное под водочку, без которой нам никак не

обойтись, без которой мы просто-напросто заржавели бы. Брат иногда навещает клуб, но открыто презирает наши дымные застолья. Брезгливо выпятив губы, он говорит мне:

– Меня поражает слабость твоего интеллекта (это говорит он, недалекий, ничего не петрящий в жизни стихоплет!). Сколько можно пьянствовать и попусту чесать языками? Сумбурные сборища – это более чем несерьезно. И эти ваши некрасивые грубые женщины!.. Ты на глазах распадаешься как личность. Дикий случай...

Скажу честно, общаясь с моим братцем, надо иметь крепкие нервы. Я-то его, полусумасшедшего, всерьез не воспринимаю, ведь он живет отшельником – ни друзей, ни женщин; на его дни рождения приходят, как на похороны – одни родственники: я и две наши тетki. А женщины... Их у него за пятьдесят лет было всего две: жена, которой он пускал пыль в глаза – говорил о своей нечеловеческой славе, будто уже обеспечил себе бессмертие и стоит вровень с Пушкиным; лет пять она верила в эту ахинею, потом разобралась, что к чему, и бросила его. И была какая-то помаргивающая девица, которой он тоже пытался запудрить мозги, но она раскусила его еще быстрее. Такая горькая хроника. И вот этот дилетант в женском вопросе на прошлой неделе мне говорит:

– В одной редакции работают две секретарши, мои приятельницы. С одной из них у меня, возможно, будет грандиозный роман. Она сильно мной увлечена. В субботу я пригласил их в клуб, закажи столик, посидишь с нами. Но учти, это женщины высшего класса – не ваши клубные шлюхи. Они дамы комильфо, ты таких и не видел никогда. Веди себя предельно деликатно, тактично, без единого грубого слова. Сможешь?

– Постараюсь, – ляпнул я, подивившись везенью брата и его белоснежной идее.

– И смотри не напивайся, и будь гладко выбрит, прилично одет. И никого из своих дружков не подзывай, посидим вчетвером спокойно, – предвосхищая романтический вечер, брат сладострастно причмокнул.

Скажу начистоту, несмотря на немалый опыт в любовных делах, в субботу с утра я почувствовал некоторое волнение; как представлю приятельниц брата – этаких голливудских кинозвезд, по спине бежит что-то вроде озноба. Мы договорились встретиться в семь вечера. Какая была погода, не помню. Ну пусть будет ветрено и дождливо – ведь с годами нравится всякая погода. Хотя, к черту! Лучше – светлый теплый вечерок. Я приехал в клуб раньше времени, заказал столик, выпил рюмку водки для храбрости, потом еще одну с известным поэтом и две – с неизвестным художником и сразу почувствовал себя легко и весело. К сожалению, брат не оценил моего приподнятого состояния – появившись, мгновенно смерил меня изучающим взглядом, подошел и зло процедил:

– Уже принял, гад! В темпе ухаживай за дамами, помоги снять плащи!

Около зеркала крутились две высоченные крашенные блондинки, с невероятно яркой косметикой сверх всякой меры, – обе вульгарные – дальше некуда; я не успел подойти, как одна откровенно подмигнула мне, другая выпятила губы, поддернула кверху и без того короткую юбку и, отклячив зад, на мгновение замерла, давая понять, что готова на все. Я понял – этих краля надо сразу тащить в постель, а не вести в ресторан элитарного клуба, но братец уже всю обхаживал блондинок: называл уменьшительными именами, у одной похвалил кофту – «мой любимый абрикосовый цвет», – у другой, словно ботаник, внимательно рассмотрел брошь-цветок и восторженно щелкнул языком; с повышенной предупредительностью показал кинозал, где «бывает нечто интеллектуальное», и туалет, где «удобней привести себя в порядок», а когда блондинки процокали в интимное заведение, ни с того ни с сего умиленно брякнул:

– Королева и в туалете остается королевой.

Похоже, он совсем спятил от своих красоток и из кожи вон лез, чтобы соответствовать их запросам – спину выпрямил, живот втянул, победоносно осмотрел завсегдатаев клуба – те уже всю пялились на наших блондинок; в мужской клуб редко заглядывали женщины, и, когда

появлялись даже страшные – какие-нибудь квадратные, – на них смотрели как на красавиц. А тут такое явление!

Пока шли в ресторан, брат чего-то верещал, что-то о себе, в том смысле, что он человек здравомыслящий, искушенный в делах и решительный в поступках. Блондинки молчали, всем своим видом показывая, что их молчание полно значения; я обнял одну из них – по имени Камилла; она закатила кошачьи глаза, прижалась ко мне и кокетливо хихикнула:

– Мне жуть как нравится красивая жизнь.

Похоже, это было правдой – на ней висело множество украшений, и она пахла, словно фруктовый сад, причем плодovitый (позднее я узнал – у нее двое детей).

Брату показалось, что я чересчур увлекся – он подскочил и, как бы извиняясь за мою невоспитанность, расплылся перед Камиллой:

– Это брат так шутит. Показывает, как здесь себя ведут некоторые непризнанные поэты, – а меня сурово отвел в сторону: – Эта моя! Ухаживай за ее подругой.

Я переключился на подругу этой самой Камиллы – не помню, как ее звали, пусть – Маша; в общем-то блондинки выглядели совершенно одинаково и мне было все равно, какую тискать. Как только сели за стол, я сказал:

– Ну девочки, что закажем? Водочку, салатик?

Брат вытаращил глаза и с отвращением поморщился.

– Ты хотя бы думай, что говоришь! Какая водка? Шампанское, коньяк!

В Камилле несколько секунд боролись «королевство», в которое ее возвел брат и в которое она играла, и врожденная порочность – последняя победила, и она игриво подернула плечом:

– А я бы выпила водки.

Маша ничего не сказала, ей было без разницы, что пить, она зыркала по сторонам, всем улыбалась и только и думала, какую часть тела показать.

– Под водочку хорошо идет селедка с картошкой, – продолжал я гнуть свое, но тут же почувствовал под столом удар брата, а над столом увидел его неестественно сияющую физиономию – он по-лакейски, с большой предосторожностью заглядывал в глаза своей Камиллы.

– Вы, Камилла, не откажетесь от паровой осетрины? И закажем фрукты. А кофе с мороженым позднее.

– Как скажете, – откликнулась «его любовь».

«Моя» Маша по-прежнему вертелась на стуле. Я погладил ее попу и шепнул:

– Клево здесь, верно? А потом двинем ко мне.

– Ага, – она кивнула, глядя куда-то мимо меня, – ей было все едино – с кем и куда ехать.

Пока ждали заказ, брат решил развеселить наших подружек и не нашел ничего лучшего, как рассказать о своих болезнях (он вообще страшно любит рассказы о болезнях и умеет болеть – знает все причины и следствия своих недугов – ему в пору писать кандидатскую по медицине, а он строчит стишата), – дотошно и обстоятельно поведал о больнице, в которой недавно лежал, какие сдавал анализы, какие его окружали медсестры. Этим дурацким рассказом он преследовал двоякую цель: бил на жалость – мол, болезни – издержки холостяцкой жизни (разумеется, он готов ее изменить с такой, как Камилла), и демонстрировал искусство общения с женщинами, представлялся опытным мужчиной (ведь медсестры не просто окружали его, но и влюблялись в него по уши).

– ... Одна была строгая, официальная, холодная, другая постоянно посылала мне воздушные поцелуи и все говорила: «Когда выпишетесь, у нас будет нечто фантастическое». Но в день выписки, увидев меня, затряслась от страха и убежала. Зато строгая, холодная подошла и протянула свою визитку. В шутку я могу завести легкомысленный роман, всерьез – никогда! Ведь любовь это избирательность, – брат взирал на Камиллу, будто на хрустальный замок.

– А где же подробности? – произнесла его «королева», явно намекая на сексуальные моменты.

Но никаких моментов не последовало – их попросту не было – брат держал эту историю наготове, но не смог придумать достойную концовку, его воображение дальше слюнявых поцелуйчиков не шло. Чтобы поправить дело, я сказал:

– У меня была знакомая, которая с утра звонила и кричала в трубку: «Я тебя хочу!». Приезжала на такси, сбрасывала одежду, ныряла в постель, целовала меня до синяков...

Камилла залилась далеко не королевским смехом, Маша выдохнула:

– Класс!

Но брат метнул в мою сторону гневный взгляд:

– Может, ты умолкнешь?! – и снова повернулся к Камилле. – А однажды в своей палате я устроил поэтический вечер, после чего мне не давали прохода. Одна больная поджидала в холле под часами и каждый раз спрашивала: «Который час?». И, томно опустив глаза, вздыхала: «Я в палате одна, ночью смотрю в окно».

Официант принес заказ и, к моему облегчению и к радости блондинок, прервал болтовню брата. После первой рюмки (мы с Машей выпили водку и в дальнейшем пили только ее, родимую; Камилла, чтобы не обижать брата и не выходить из образа «королевы», пригубила коньяк, но тут же попросила налить ей водки и дальше чередовала напитки; брат потягивал только коньяк; шампанское наши дамочки использовали в качестве заправки) – так вот, после первой рюмки Маша затараторила:

– У меня мечта... закадрить Юрия Антонова. Он здесь бывает?.. И хочу съездить в Венгрию, говорят, там классно...

А Камилла откинулась на стуле, потянулась, как бы скидывая тяжелую королевскую мантию (ее уже тяготили обязанности важной особы), расстегнула на кофте верхние пуговицы, обнажив бюстгалтер приличных размеров, и, заметив, что за пианино сел тапер, потянула брата за руку.

– Пошли танцевать!

– С величайшим удовольствием, но... я не умею, – проронил брат. – И потом, здесь не принято.

– Плевать! – Камилла решительно забросила «корону» и перешла в свою естественную плоскость. – Пойдем с тобой сольемся в экстазе, – кивнула мне и встала. – Пусть смотрят, пусть завидуют!

В танце она прижималась ко мне животом, неистово крутила бедрами, бормотала, как ей нравится красивая жизнь, и еще успевала разглядывать посетителей, и, по-моему, была не прочь потанцевать на столе.

Пока мы вращались в середине зала, брат прикончил третью рюмку – вероятно, чтобы приглушить ревность, – на его лице я прочитал далеко не легкое чувство зависти ко мне, умеющему танцевать. Как все неопытные застольщики, после третьей рюмки брат захмелел и, желая подыграть своей разгулявшейся «королеве», показать, что и он не чужд эксцентричным выходкам, рассказал пошлый анекдот и пару раз неумело, стесняясь, ругнулся – его анекдот не понял даже я, о секретаршах и не говорю. Заметив наши растерянные физиономии, брат закурил, закашлял, прослезился. В это мгновение меня сзади кто-то хлопнул по плечу и я услышал поставленный баритон:

– Ленка, здорово, черт! Ты, как всегда, с женщинами ошеломляющей красоты! – за моей спиной стоял стариннейший друг Сашка Булаев, человек необузданный, с широким размахом – он был выпивши, невероятно развеселый, словно только что с праздника; впрочем, он каждый вечер устраивал праздники, один величественней другого, и утром никогда не жалел, что накануне много выпил.

– Я к вам! – гаркнул Сашка и бесцеремонно поставил на стол бутылку водки, кивнул брату, вроде и не замечая его недружественного прищура, с насмешливым любопытством осмотрел наших дамочек.

– Садись, – ляпнул я по простоте душевной и тут же встретил ледяной взгляд брата – он шевельнул губами: «Не порть вечер!».

Сашка отошел за стулом, и я сказал брату:

– Не преувеличивай страхи, он мой друг, отличный мужик.

– Ну приведи еще целую кодлу, – пробормотал брат приглушенным голосом, а Камилле пояснил: – Чем человек глупее, бескультурней, тем больше его тянет в стадо.

Сашка подошел – в одной руке тащил стул, другой обнимал официанта.

– Все самое лучшее! – приказал официанту, плюхнулся на стул, представился:

– Александр. Фотограф. Неженатый, – открыл свою бутылку. – Польская. Из посольства.

«Житная» называется.

– Пшеница, в переводе с польского, – сказал брат, желая сверкнуть обширной эрудицией.

– Нет. Рожь, – поправил Сашка и загоготал. – Очень полезна для души.

– Уморительно, хоть плачь! – Камилла протянула рюмку.

– Класс! – Маша тоже подвинула рюмку. – У меня мечта... съездить в Польшу.

– Поедем! – захохотал Сашка. – Денег полно. Путевки раздобыть несложно. Но вначале всех приглашаю к себе. Обещаю сделать групповой портрет. Я лучший фотограф в Москве. Ленька, подтверди.

– За приятное знакомство! – Камилла подняла рюмку и расплылась.

– За вас! – Маша повернулась к Сашке.

– Вперед! – Сашка опрокинул рюмку, крикнул и безмятежно, с простодушной непосредственностью заехал в другую область:

– Однажды я встретил женщину, она была страшно одинокая. Стало жалко ее, и я женился, ха-ха! А она играла в одинокую, привязывала и закабаляла жалостью. Через год я это раскусил и развелся. Теперь абсолютно свободный, ха-ха!

Маша тут же прильнула к нему и начисто забыла обо мне и о брате, и о подруге. Камилла тоже выпила, подмигнула мне и, скосив глаза в сторону Сашки, подняла большой палец, а вслух возвестила:

– Мы тоже свободные.

Брат пить не стал, а на слова Камиллы угрюмо пробурчал ей в ухо:

– Напрасно вы так говорите. Он прохвост и ведет себя по-хамски.

Официант принес кучу закусок, но Сашке этого показалось мало, он притащил из буфета еще две бутылки шампанского и коробку шоколадных конфет, потом снова исчез и вернулся с букетом роз. Пока он отсутствовал, брат выдал мне очередную порцию недовольства (разумеется, рассчитывая на уши слушательниц):

– Этот твой друг обнаглел от богатства. Считает, что за деньги можно все купить, они заменяют ему и знания, и культуру. И ты дуешь с ним в одну дудку.

Дело пахивало ссорой; в таком положении спасает только чувство юмора. Я пошутил:

– В компании нужен весельчак, как массовик-затейник.

Но брату было не до шуток, он настроился весьма решительно.

– Вы оба допрыгаетесь! Или ты его турнешь из-за стола, или...

– Он смешной такой... и добрый, – проворковала Камилла, и брат, помрачнев, опустил голову.

Мы выпили еще, и Сашка продолжил веселить компанию – он выступал особенно настойчиво, точно и не замечал надутого брата, точно нарочно шел на риск.

– ...Ленька знает, я был бедным фотографом. Раз еду в троллейбусе и ко мне обращается молодая парочка: «Не могли бы вы нас снять?». А с камерой я не расставался... Я думал, они

просто хотят запечатлеть свое счастье, но они привели меня на квартиру, разделись, сказали «снимайте!» и показали много секса. Потом пленку забрали и хорошо заплатили, ха-ха!

– Класс! – чуть не вскрикнула Маша – она уже напилась и готова была прямо за столом устроить стриптиз.

– Я хотела бы иметь свое фото... обнаженной, – засмеялась Камилла и брат шарахнулся от нее.

– Вы это серьезно? Чем больше женщина раздевается, тем меньше на нее обращают внимание... исчезает тайна.

– Чепуха! – Камилла вздернула плечи и состроила невинные глазки. – Когда я мало на себя надеваю, сбегается пол-улицы. Сниматься в одежде так старомодно.

Брат налил себе коньяк, опрокинул рюмку, поперхнулся и в полном расстройстве склонился над столом – наконец до него дошло «королевство» ненаглядной.

А Сашка все нагнетал обстановку, даже нарочно хотел казаться хуже, чем есть на самом деле.

– ...Дальше я снимал на пляже nudистов. Отбоя от желающих не было – денежки так и сыпались. А я, не скрою, люблю, когда их много. Люблю их тратить, ха-ха!.. Ну вот, потом дал объявление – ну, немного зашифрованное. И что вы думаете? Телефон раскалялся от звонков... Однажды за мной заехали на «мерседесе» и я очутился в шикарной квартире, да... Две пары устроили интим. Денег мне отвалили, еле унес.

– Омерзительно! Замолчите!.. – брат стукнул кулаком по столу – с ним случилась истерика – ясное дело, недостойная взрослого мужчины, но она внушала некоторые опасения.

Наши дамочки притихли; Сашка понял, что переборщил, не предвидел бурную реакцию брата, и красиво закрутился:

– Фотомиры как ничто дают почувствовать время.

Пошатываясь, брат встал из-за стола, и я подумал – сейчас огреет Сашку бутылкой, но он зло бросил мне:

– Отойдем!

Мы вышли к гардеробу, и он вцепился в мою рубашку.

– Ты негодяй! Весь вечер пошел насмарку! Зачем посадил этого подонка?! Ведь предупреждал – никого не сажай... И Камилла хороша... – он уронил голову и чуть не расплакался от сознания, что потерпел полный крах.

Когда мы вернулись, Сашка галантно распрощался, поцеловав руки нашим дамочкам, меня хлопнул по плечу, а перед братом извинился:

– Простите, если сказал что-то не так. У меня бездна недостатков, но, поверьте, совершенно не хотел вас обидеть. Я сильнейшим образом уважаю всех Ленкиных друзей.

Через два дня я встретил его в клубе.

– Этот твой родственничек – полный идиот, – начал он, после того как обнял меня и разлил водку, – трясется над бабами, которые в общем-то так себе... Когда вы с ним отошли, обе сунули свои телефоны. Я не просил, сами дали... Этой самой Камилле я позвонил, она сразу: «Здравствуй, дорогой». Я говорю: «Хочу с тобой встретиться». «Я тоже», – отвечает. «Хочешь, – говорю, – сразу приезжай ко мне, или пойдем в ресторан». «Как ты хочешь, дружок», – говорит. Короче, она приехала и показала чудеса секса. А сегодня с утра и эта Маша приезжала, показала стриптиз.

Тёплый летний вечер

Они сидели в открытом кафе в тени деревьев. Вечернее солнце просеивалось сквозь листву, и на их столе дрожали желтые пятна, а на стаканах и бутылке вина сверкали блики. Они сидели напротив друг друга, двое мужчин среднего возраста, двое друзей.

– Такой прекрасный вечер, а на душе тягостно, – проговорил Виктор, нервно теребя сигарету. – Последнее время я сам не свой. На работе все раздражает, сослуживцы уже избегают со мной общаться.

– Хм, что ж ты хочешь, – усмехнулся Игорь. – Тебя действительно последнее время не узнать. Что случилось, чего ты расклеился?

– Да дома как-то все неладно. Скажу тебе откровенно – по-моему, Вера разлюбила меня.

– Ну уж! Не преувеличивай! Ты умеешь накручивать себя.

– Эх, Игорь, если бы! Ты, конечно, многое обо мне знаешь, но не все. Клянусь тебе, не все... Мы ведь с Верой прожили почти десять лет. Многие считали, да и сейчас считают, нас счастливой парой. Со стороны, наверно, так оно и есть. На самом деле у нас уже давно все нехорошо. Сейчас попросту плохо. Ты мой друг, я только тебе могу открыть душу, слушаешь?

– Ну что ты спрашиваешь?

– В общем... Как ты знаешь, мы познакомились еще в институте. Ей было двадцать лет, мне на три года больше. Я помню, когда первый раз увидел ее. Представляешь, в вестибюле института толпились студенты, большая группа, но она выделялась среди всех, вокруг нее было прямо сияние.

– Нимб, что ли? – с ухмылкой вставил Игорь.

– Нет, серьезно. В струящемся платье она выглядела как фея. И на лице – улыбка. Помню, я удивился – каким же прекрасным может быть человеческое лицо. У нее был чистый взгляд, взгляд святой.

– Брось! – поморщился Игорь. – Фея, святая! Ну что ты в самом деле! Ты всегда был фантазер и сейчас фантазируешь. Что за сентиментальные штучки! Взрослый мужик, а несешь чепуху. Давно пора понять – нет святых баб.

– Ну а мне казалось – она из тургеневских времен... Я дарил ей цветы. Однажды, как мальчишка, перед ее домом мелом написал: «Вера! Я тебя люблю». В общем, влюбился. И она вроде... После того как мы расписались, она сказала: «Я люблю тебя с первой встречи», – приятные воспоминания вызвали улыбку у Виктора, смутную улыбку, которая быстро погасла: – Да, все начиналось прекрасно... Но вот ребенка у нас не было, а я так хотел сына... Вера так и не смогла забеременеть. Да, вот так... Давай выпьем, – Виктор допил вино и, взяв бутылку, снова наполнил стаканы. – Вера все искренне рассказала о себе. У нее до меня было одно серьезное увлечение. Парень-спортсмен, «с античным торсом», как она сказала. И вот странно, я так ее любил, что ревновал к этому спортсмену, ревновал к прошлому. Понимал, что это глупо, но ничего не мог с собой поделать. Все представлял, как она с этим «с античным торсом» в постели.

– Ревновать к тому, что было, ясное дело, глупо, – согласился Игорь. – У нормальной женщины к двадцати годам и должен быть любовник. И может, даже не один. Ну и хрен с ними. Часто женщина забывает об этом. Говорит: «А-а, по глупости». Дура, мол, была. А если она все забыла или хочет забыть, этого как бы и не было.

– Возможно, – кивнул Виктор, – но вот такой я идиот. Но послушай, как у нас все сложилось дальше... Первые год-два все было хорошо. Она говорила: «Ты самый замечательный, подруги мне завидуют»... Но потом все изменилось. Я заметил, что дома она стала рассеянной, ее улыбка стала какой-то тайной, я чувствовал, что она думает о чем-то своем. И она стала

слишком много времени уделять своей внешности. Я догадывался – она привыкла нравиться мужчинам, а от соблазнов трудно устоять... Скажи, она действительно красивая?

– Извини, но... обыкновенная, – Игорь немного отпил вина. – Нет, ну симпатичная, конечно, но у меня были и получше. Намного.

Виктор допил вино, закурил.

– Ну, в общем, она стала приходить домой поздно. Говорила: «Задержалась на работе». А я звонил на ее работу – она уходила как обычно. Я чувствовал – она что-то скрывает от меня, да попросту врет, но мне так хотелось ей верить... Понимаешь, я отдал ей всего себя. Мне кажется, что я и делаю-то все только для нее. Без нее моя жизнь теряет всякий смысл.

– Ну чего ты все сгущаешь? – резко бросил Игорь.

– Если бы! Стыдно признаться, но однажды я решил последить за ней. Как мальчишка, прятался за деревьями, киосками... Она вдруг села в машину к мужчине. У меня внутри все заледенело. Я побежал к ним, но машина развернулась и уехала. Поймал такси, чтобы погнаться за ними, но они исчезли... Ты не представляешь, что творилось со мной.

– Представляю, – отозвался Игорь с горькой усмешкой.

– Она вернулась домой поздно, от нее пахло вином. Сказала: «Он просто старый друг». Сказала как-то спокойно, безразлично, словно не видела, что меня всего прямо трясло... Потом я еще раз застукал ее с этим типом. В ресторане. Устроил скандал... Ну дома мы помирились, выпили, и я заставил ее во всем признаться. Она призналась, что была у этого типа дома, и между ними все произошло. Сказала: «Всего один раз и случайно». Случайно! Такое ведь случайно не бывает.

– Бывает, – махнул рукой Игорь. – Все бывает. Но ведь она не ушла от тебя, и ты простил ее. Забудь об этом. Плюнь на все.

– Как я могу забыть?! У меня был шок. Я жутко переживал, даже хотел уйти от нее, но не смог. Не хватило сил... Я вдруг вспомнил, как мы с ней клеили обои, когда получили квартиру. Вера на полу мазала обои клеем и подавала мне. Я стоял на стуле и приклеивал обои у потолка, а она проводила по ним мягкой тряпкой. До полуночи клеили, устали адски. Тахты у нас еще не было, и мы уснули на полу на одном надувном матрасе... Потом вспомнил, как мы поехали за грибами и в лесу заблудились. А я еще вывихнул ногу. И вдруг пошел дождь. Мы встали под ель, но все равно промокли страшно. Уже темнело, наступал вечер, и мне стало тревожно, а Вера прижалась ко мне и запела детскую песенку, и сразу стало повеселее. А когда дождь кончился, Вера сняла кофту, перевязала мою опухшую ступню, и мы побрели. Я опирался на ее плечо и на палку. Нашли тропу, вышли к какой-то деревне... Да много было хорошего. Все это было давно, лет пять-шесть назад, но после ее измены все уже стало не то, на душе у меня уже никогда не было спокойствия. Я-то ей никогда не изменял. Да что там! Для меня не существует других женщин. Понимаешь, я люблю ее. Вот сегодня уехала на дачу к подруге, сказала: «Надо помочь сшить платье». Вернется завтра, а я уже весь извелся, в голову чего только не лезет... Давай это, возьмем еще бутылку?

– Ну если хочешь, – Игорь развел руки. – Но, может, не стоит? Выпивать надо, когда все в порядке, а когда хреново, надо, стиснув зубы, работать. Я смотрю – ты слишком раскис. Тебе не станет хуже?

– Куда уж хуже?! – Виктор встал и направился к стойке, а вернувшись с бутылкой, сразу наполнил стаканы; быстро выпил, закурил очередную сигарету, глубоко затянулся и, выпустив дым, продолжил:

– После того случая на некоторое время Вера стала нежной, внимательной, ну такой домашней. Но я все равно был настороже, все время ждал, что она опять загуляет... Понимаешь, она убила мою уверенность в ней, нанесла мне страшную рану. Наш брак стал ненадежным.

– Понятно, – кивнул Игорь. – Мой тебе совет – пошли ее куда подальше. Если до сих пор не можешь ей этого простить, уходи. Чего ты мучаешься, устраиваешь себе нервотрепку?! Если она соврала один раз, она и еще соврет, как пить дать. Если она «случайно» переспала с одним мужиком, она так же «случайно» переспит и с другим, будь уверен. Ценность женщины в ее преданности. Я бы ни минуты не жил с бабой, которая наставила мне рога.

– Говорю же тебе, не мог я уйти. И никогда не смогу. Я люблю ее... Но ты дослушай. На этом ведь не закончилось. Ее хватило на полгода, потом опять началось – то на работе чей-то день рождения и «засиделись в кафе», то «зашла к подруге». И никогда не предупреждала меня заранее, не звонила, что задержится. Такая небрежность. А я весь вечер не находил себе места, выглядывал в окно, не отходил от телефона... Некоторые знакомые мне стали говорить, что видели ее с мужчинами. Некоторые прямо заявляли, что она изменяет мне. Мне трудно было в это поверить. Я пытался у нее выяснить, а она говорила: «Все это бред. Ты изводишь меня подозрительностью и ревностью, все выдумываешь, ты очень мнительный». В общем, жизнь стала невыносимой, я стал выпивать...

– Все ясно. Тот, кто любит сильнее, всегда проигрывает, – уверенно заявил Игорь. – Давно известно, сильную любовь не ценят. В ответ на такую любовь получаешь небрежность... Давай так – без обиды. И говорить все начистоту. Мне никогда твоя Верка не нравилась. Вспомни, еще когда ты женился, я сказал: «Пластмассовая кукла. Экзальтированная особа, любит компании»... В ней двойственность. Да, с одной стороны, она неглупая, с неплохим вкусом, с другой, пойми: она не знает, что такое совесть, честь. Из нее так и прет самоуверенность. Вообразила о себе черт-те что!.. Ну нахваталась она всего понемногу, язык подвешен. Тоже мне интеллектуалка! Знаю я этих экзальтированных, эмансипированных! Да хороший характер, преданность женщины в сто раз ценнее всякого интеллекта... Обрати внимание, как в компании она старается быть на виду, глазает на мужиков, крутится около них, каждому отвешивает комплименты. Пойми, как женщина себя ведет, так к ней и относятся.

– Да, это так, – вздохнул Виктор.

Игорь допил вино и рывком, звучно поставил стакан на стол.

– Не хотел тебе говорить, но один мужик – ты его не знаешь – похвастался мне, что твоя Верка его кадрила, сказала ему, что «с мужем живет по привычке», что «по-своему любит мужа, жалеет», а ему намекала про «секс без любви»... Пошли ее к чертовой матери! Тем более что у вас нет детей, тебя ничего с ней не связывает... И ничего хорошего у тебя с ней не будет. Поверь мне, я знаю, о чем говорю... Я давно ушел бы от такой. Я люблю женщин скромных, даже застенчивых, а твоя Верка и не знает, что это такое... Она не стоит тебя. Ты талантливый, порядочный. И однолюб, не то что я, бабник. А твоя Верка просто негодяйка, не ценит тебя... Ты просто привязался к ней. Уходи от нее, иначе доведешь себя черт-те до чего. Собственно, ты уже себя довел – выглядишь хреново, много выпиваешь, куришь одну сигарету за другой. Будь мужиком, возьми себя в руки. Ты еще встретишь отличную бабешку. Вокруг полно одиноких женщин, получше твоей Верки. И ты всегда им нравился.

– Легко сказать «уйди, пошли ее к черту», ведь было много хорошего, как его зачеркнуть?

– Чего хорошего-то? Да и одно предательство, одна измена зачеркивает все. Есть вещи, которые нельзя прощать, неужели не понимаешь?

– Понимаю, – понуро протянул Виктор. – Но, видимо, я слабак, не представляю свою жизнь без нее... Я забыл тебе сказать: в тот вечер, когда она призналась, что «случайно» изменила, она расплакалась, назвала себя «дурой», просила прощения. Мне стало жалко ее.

– Что ты ее жалеешь?! Себя пожалей! – Игорь решительно повел в воздухе рукой. – Вспоминаешь, какой она была хорошей! Вспомни, какой она была стервой, когда врала тебе в глаза. Вспомни компании, где мы бывали, и сколько раз в танце она прямо висла на других мужиках. Как-то я сказал ей: «Не задуши партнера в объятиях», а она: «У меня голова разболелась». Не

раз она с кем-нибудь уединялась. Ты не замечал, а я-то все видел, я изучил баб... Помнишь, как она с одним типом на его машине поехала «купить всем шампанское и мороженое»? Они вернулись через полтора часа, и видок у нее был осоловелый. Я-то знал этого типа, он своего не упустит. Ты доверчивый, неопытный, ничего не понял, а мне достаточно только взглянуть на мужика с женщиной, услышать пару фраз, как они говорят друг с другом, – и сразу ясно, какие у них отношения.

– Она тогда сказала, что магазины были закрыты, – неуверенно вставил Виктор.

– Врала! Дурак ты, Витька! Мне больно за тебя. Если хочешь знать, этот тип потом сказал мне, что они сгоняли к нему и он переспал с ней. Короче, уходи от Верки немедленно и баста!.. Жить тебе есть где, квартира матери свободна. Кстати, сам знаешь, твоя мать сразу ее невзлюбила и не любила до самой смерти... Ты обязательно встретишь преданную женщину, семьянинку. Она родит тебе сына, и все будет как надо. А эта стерва погубит тебя.

– Не могу, – тяжело вздохнул Виктор. – Презирай меня, но не могу.

Безвольность друга уже раздражала Игоря.

– Ну жди, когда она тебя бросит. Вспомнишь меня. Бросит, когда встретит мужика, в которого втрескается. Бросит и глазом не моргнет. Ты что, еще не понял – она не дорожит тобой?!

– Ну и пусть, – безнадежно обронил Виктор и с отчаянием выпил полный стакан.

Игорь повысил голос:

– И сколько ты будешь это терпеть?! Если уж на то пошло... И меня с твоей Веркой однажды черт попутал.

Виктор вскинул глаза и уставился на друга. Игорь понял, что хватил через край, но отступить уже было поздно.

– Да, попутал... Мой жуткий грех. Это произошло четыре года назад. Все это время хотел тебе покаяться, но никак не мог решиться... Помнишь, тогда на даче в Аникеевке, у подружки Верки? Ты в то время почти не выпивал, а в тот день после шампанского тяпнул водки, сильно опьянел и уснул на тахте. А Верка пригласила меня танцевать. И в танце вдруг прижалась ко мне и зашептала: «Ты знаешь, мне вчера приснился сон – мы с тобой были в постели. Ты был бесподобен. Может, нам это устроить наяву? Просто дружеский секс». Я опешил: «Какой же такой дружеский?» «Ну, – говорит, – ни к чему не обязывающий. Просто чтобы удовлетворить желание». Вот стерва!.. Ну я тоже был прилично выпивши и потерял башку. Не помню, как мы очутились в хозблоке. Там все и произошло. Не раздеваясь... Потом-то я сразу протрезвел и чувствовал себя поганом. А когда увидел тебя, спящего, – хочешь верь, хочешь не верь – возненавидел себя, а Верке сказал: «Дружеским сексом занимаются шлюхи. На месте Виктора я бы тебя прибил».

Игорь допил вино и, закурив новую сигарету, опустил голову.

– Помнишь, после той поездки я с полгода с тобой не встречался? Говорил, «болею». Врал! Не мог смотреть тебе в глаза... Потом несколько раз хотел тебе признаться, но так и не решился. Да, вот так получилось. Дай мне в морду, мне будет легче. Дай!

Виктор отвернулся, некоторое время тускло смотрел на уже темнеющую улицу, потом поднялся и, с дрожью в голосе, пробормотал:

– Пойдем по домам.

На углу улицы Игорь обнял друга.

– Уходи от нее, она не стоит тебя. Уверен, ты встретишь отличную женщину и еще будешь жалеть, что столько лет жил с этой стервой.

Был теплый летний вечер, но Виктора знобило. Он брел в сторону дома, еле сдерживая слезы. Навстречу ему попадались смеющиеся парочки, откуда-то доносилась музыка. Виктор ничего не замечал, брел, ощущая внутри невыносимую тяжесть. В какой-то момент ему показалось, что все его тело заковано в железный панцирь.

Когда он подошел к дому, уже сгустились сумерки и на улице зажигались фонари – вначале лишь слабое мерцание, но постепенно оно усиливалось и превращалось в яркий свет.

В пустой квартире Виктор особенно остро почувствовал одиночество. «А она сейчас с кем-нибудь занимается «дружеским сексом», – зло подумал он и застонал от бессилия, от невозможности что-либо изменить.

Виктор распахнул окно, свежий теплый ветерок ударил ему в лицо. Далеко внизу виднелись огоньки фонарей, освещенные квадраты витрин, маленькие силуэты прохожих, а наверху темнело звездное небо. Запрокинув голову, Виктор смотрел в небо, и внезапно оно... посветлело и перед ним возник солнечный день из далекого детства – он бежал по лугу среди цветов, бежал к их дому, а на крыльце стояла его мать – еще совсем молодая, красивая – она махала ему рукой, звала к себе...

Виктор встал на подоконник и шагнул в тот солнечный день... И сразу почувствовал легкость, впервые за все последние годы почувствовал необыкновенную легкость, словно птица, которую внезапно выпустили из клетки на свободу. Он летел и улыбался.

Ещё увидимся!!

Национальные отношения на Кавказе – дело чрезвычайно тонкое, деликатное. Это я понял, будучи в Осетии, когда познакомился с Казбеком, проводником туристских групп. Я ехал на попутной машине в городок Бурон, рассматривал лесистые горы и вдруг заметил – перед нами катит грузовик, доверху набитый мебелью, на которой восседает и каким-то чудом удерживается на поворотах, черноволосый парень в ковбойке. За грузовиком клубилась пыль, в ней явно различалось что-то темное, прыгающее, какое-то живое существо отчаянно догнало машину. Приглядевшись, я заметил маленькую дворнягу.

– Казбек с семьей переезжает, – пояснил шофер осетин.

На подъемах, когда грузовик сбавлял скорость, собака почти догоняла машину, но на спусках и прямых участках сильно отставала. Так продолжалось километров десять, не меньше, и собака совершенно выбивалась из сил – я это видел отчетливо, поскольку последние километры она бежала совсем перед нашим бампером. После одного из спусков парень в ковбойке забарабанил кулаком по кабине и, когда грузовик встал, спрыгнул на землю и что-то закричал сидящим в кабине, при этом он неистово размахивал руками. В ответ из окна высунулась молодая особа и с визгом начала жестикулировать, еще более неистово, чем парень. В конце концов парень раздраженно плюнул и полез на мебель.

– Казбек хочет взять собаку, а жена не хочет, – пояснил шофер, с наслаждением наблюдавший сцену ссоры. – Но все будет, как он скажет. Казбек – настоящий мужчина. Осетин. У него отчество знаешь какое? Эльбрусевич!

Действительно, еще через пару километров парень загрохотал по кабине так, что наверняка железо расплющилось. На этот раз он пошел не к кабине, а к собаке, и как только пес подбежал, схватил его и забросил в кузов, между шкафом и кроватью – тем самым давая понять, кто глава семьи и как бы восстанавливая историческую справедливость.

В тот же вечер мы встретились на «пятак» – самом примечательном месте Буруна, где назначались деловые и романтические встречи, где старцы обсуждали свежие местные новости и не совсем свежие (учитывая расстояние) новости всесоюзного масштаба. Казбек прогуливался со своей собакой, покуривал, здоровался и перекидывался словами со знакомыми; внезапно увидел меня и без колебаний подошел. Разузнав, кто я и что, он, отбросив всякий этикет, по-дружески, запросто предложил зайти в духан, съесть по шашлыку и выпить кахетинского вина.

– Я угощаю, – сказал Казбек и широко повел рукой, как бы предлагая в придачу к выпивке и весь Бурон.

За столом Казбек рассказал о своей работе, подчеркнув, что «обслуживает туристов по первому разряду»; потом, кивнув на усатого мужчину за стойкой, важно бросил:

– Арминак, мой друг. Армянин. Говорит на всех языках (позднее я убедился в этом; правда, словесный запас Арминака ограничивался пределами ресторанного меню).

Затем Казбек ввел меня в курс местной жизни.

– ...Здесь добывают уголь и по канатной дороге через хребет отправляют в Цхинвали. Цхинвали больше, чем Бурон, но не такой красивый. Здесь, сам видишь, какое все (в самом деле, городок выглядел чистым, ухоженным, и располагался удачно – в долине, обрамленной горами). Так вот, в каждой бригаде много национальностей: осетины, ингуши, чеченцы, армяне – все есть. Работают дружно, но после работы каждый только со своими. Такой порядок...

Выдавая эту информацию, Казбек то и дело вскидывал руку, приветствуя вновь входящих, непрерывно курил, прямо-таки «по-черному» – от одной папиросы прикуривал другую,

обсыпая брюки пеплом. Кстати, он курил «Казбек» и не случайно положил пачку на видное место, чтобы я оценил совпадение его имени, папирос и вершины.

Как-то незаметно мы опорожнили две бутылки добротного кахетинского вина и Казбек громко сказал Арминаку:

– Дорогой, принести еще две бутылки. У меня русский гость.

– Может хватит? – слабо запротестовал я.

– Как это хватит?! – искренне удивился Казбек. – Настоящий мужчина должен уметь пить вино и при этом нормально разговаривать. Только здесь, на Кавказе, можно этому научиться... Прости меня, дорогой гость, но у вас, в России, не умеют пить вино. И не умеют вести беседу. Только напиваются и орут. Я был, знаю... А у нас никогда не увидишь пьяного...

Мы распрощались в полночь. Пожав мне руку, Казбек сказал:

– Еще увидимся!

С того дня мы еще несколько раз встречались, заходили в духан, ели шашлыки, пили кахетинское вино и Казбек уже называл меня другом. Но однажды при встрече, невесело объявил:

– Сегодня в духан не пойдем. Сегодня ингушский день.

– Что это?

– Ну, бывает осетинский день, когда собираются наши, бывает чеченский, а сегодня ингушский. Идти нельзя. Могут побить.

– Почему такая неприязнь?

Казбек долго морщился, потом произнес с легким раздражением:

– Я не люблю, когда мне задают вопросы. Это не разговор, а допрос.

– Пойдем! – махнул я рукой. – Я-то русский, а ты мой друг.

Казбек замотал головой. Его мысли явно текли по какому-то извилистому руслу.

– При мне никто ничего не скажет, – уверенно заявил я, совершенно забыв о собственной безопасности. – Ведь на Кавказе гостя уважают.

– Так-то так, – вздохнул, уже почти сдаваясь, Казбек; он почти выпрямил русло своих мыслей, но не до конца.

– Пошли! – я подтолкнул его, и он сдался.

В духане был занят всего один стол, за которым сидели какие-то парни; они, вроде, и не обратили на нас внимания. Но когда Арминак принес нам вино и шашлыки, вошла довольно приличная компания; рассаживаясь, парни бросали в нашу сторону косые недружелюбные взгляды. В середине вечера я вдруг увидел, что один из столов начал приближаться к нам вместе с молчаливо сидящими парнями. Вначале подумал – померещилось, от вина затуманило глаза, но за первым столом поехали и другие. Каким-то невероятным образом, парни умудрились, не вставая, съехаться к нам до расстояния шепота. Окружили со всех сторон, и старший ингушской компании обратился ко мне:

– Мы не хотим тебя обижать, русский человек, но твоему спутнику лучше отсюда уйти.

– Я не могу обижать своего друга, – подогретый вином, смело заявил я. – У нас серьезный разговор.

Старший, мудрый змей, усмехнулся:

– Его можно продолжить в понедельник, когда будет осетинский день.

Вино еще сильнее ударило мне в голову и я, подражая кавказским тамадам, произнес:

– Дружба не имеет понедельника или среды. Она вечна.

Мои слова произвели должное впечатление. Ингуши углубились в переговоры – что-то быстро забормотали на своем языке. Минут через десять попросили Арминака принести две бутылки вина на наш стол. Мы с Казбеком допили свое вино и только поставили стаканы, как старший сказал:

– Традиции нашего города – это традиции, и никто не осмелится их нарушить. Ты, русский, в наши дела не лезь.

После этого нас вынесли из духана – в прямом смысле слов – бесцеремонно вынесли на руках вместе со стульями и посадили у входа.

– Самое разумное – уйти домой, не обижать ребят, – поднимаясь, сказал Казбек, совершенно не чувствуя себя униженным. – Они поставили нам вино, уважили нас и показали, что и мы должны их уважать. Я пошел. Еще увидимся!

Здесь можно было бы поставить точку, если бы не дальнейшее поведение Казбека. Так получилось, что вскоре мы целую неделю вместе колесили по Осетии. Он водил туристов, а я набирался впечатлений, благо выпало свободное время. В первом же селе, где мы остановились на ночлег, Казбек, после изрядной выпивки, рассказал сельчанам как мы «напугали ингушей, при этом похлопал меня по плечу и назвал «братом». Его рассказ имел бешеный успех: сельчане подходили, обнимали меня, подливали араку (местный самогон), угощали самосадом. Я не курил, но чтобы не обидеть сельчан, затягивался крепким дымом.

В следующем селе Казбек, опять-таки после изрядной дозы спиртного, уже рассказал, как мы «выгнали» ингушей из духана, и это известие вызвало всеобщее потрясение: сельчане подняли такое ликование, что оно чуть не перешло в массовый психоз.

Дальше, слух о нашем «подвиге» разрастался, как снежный ком. Когда мы прибыли в отдаленное селенье, там уже вполне авторитетно заявили, что знают, как мы «избили» дюжину ингушей. Разумеется, нас встретили, как национальных героев. Калаки (старейшина) подал сигнал, чтобы резали барана и устраивали местный праздник – аустержи. Во время торжества Калаки, в знак особого уважения, угостил меня сигаретой «Яхта» (первые сигареты с фильтром в то время), чокнулся со мной и произнес оригинальный тост:

– За мое счастливое будущее, которое уже в прошлом!

Позднее, после двух-трех общих тостов, он сказал историческую фразу:

– Над головой настоящего мужчины всегда должен виться дым – табачный или пороховой.

С тех пор я стал заядлым курильщиком и не пропускал ни одной выпивки с друзьями, и делал это со все возрастающей последовательностью, то есть, изо всех сил входил в образ настоящего мужчины, пока болезни средних лет несколько не умерили мой пыл.

Под снегопадом

Л. Мезинову

Они были просто помешаны на заснеженных склонах; когда скользили на лыжах с вершины горы до ее подножья и в ушах свистел ветер, а в глаза бил колкий искристый снег, у них захватывало дух от восторга, сравнимого с восторгом ребенка, впервые увидевшего стрекозу, или слабоумного при виде цветка. На склоне попадались кочки, их подбрасывало и, пролетая по воздуху, они испытывали чувство свободы, сравнимое со свободой птицы; в эти секунды они были уверены, что находятся в такой спортивной форме, что им все по плечу, что справятся со всем не только на склоне, но и вообще в жизни. А у подножья горы, когда они, охваченные азартом, делились впечатлениями о трассе с другими фанатами горных лыж, их захлестывало возбуждение, сравнимое с возбуждением гурмана за столом, ломящимся от яств. Из-за всего этого букета чувств они и считались полупомешанными. Такими их считали жители из поселка, который находился на полпути от станции до гор. Каждый раз, когда мимо домов вышагивала шумная разноцветная компания с рюкзаками и лыжами на плечах, во дворах слышались реплики:

– Бездельники, раскатались! Их заставить бы потаскать воду, поколоть дрова!

Известное дело, жители поселений в пятидесяти километрах от городской черты считают себя обделенными (в самом деле – ни город, ни деревня), и потому их раздражают горожане, а деревенские жители, естественно, вызывают презрительные усмешки.

Обратный путь лыжники совершали в обход поселка, через лес, намереваясь полюбоваться красотами, насладиться тишиной, подышать полной грудью морозным воздухом, но лишь вскользь замечали ели, которые, будто новогодняя канитель, покрывал иней; тишину сотрясал их смех, а морозный воздух им казался чересчур теплым – они не могли отойти от скоростных гонок. И в электричке продолжали веселиться: пели под гитару, пили кофе из термоса, раскрасневшиеся, пропахшие снегом и хвоей.

Душой этой спаянной компании был высокий парень, инженер НИИ, гитарист, знаток туристических песен, не пьющий, не курящий, «человек без недостатков», – как о нем говорили сотрудницы НИИ. Соперничая друг с другом, они добивались его благосклонности; причем в этом соревновании участвовали все женщины: красивые и некрасивые, совсем молодые – после школьной скамьи, особы среднего и даже предпенсионного возраста. Он же ни одну не выделял, ко всем относился по-дружески, только в зависимости от внешности и возраста сотрудниц, по-разному улыбался и отпускал разные комплименты, но на Новый год всем дарил одинаковые подарки – раздавал по плитке шоколада. Он вел себя, как моложавый Дед Мороз.

Но на изломе зимы в институте появилась новая сотрудница, появилась внезапно, как эдельвейс среди горных снегов. У нее были гладко зачесанные волосы с хвостом на затылке, узкое, плотно облегающее сверхкороткое платье – и это при росте под два метра! Такое платье подходило для горнолыжного курорта, но никак не для серьезного института. В таком платье ее ноги выглядели невероятно длинными. Она вышагивала по институту, словно гигантский циркуль, высоко подняв голову, ни на кого не обращая внимания; холодно, без улыбки ответит на приветствие и процокает дальше. Несмотря на свой фантастический рост, она имела стройную фигуру и без всяких комплексов, даже с вызовом, носила туфли на высоком каблуке.

Вначале новая сотрудница вызвала у инженера только спортивный интерес, но через несколько дней ее независимая холодность, короткие и умные ответы сослуживцам, которые он слышал (его самого она не замечала в упор), вывели его из равновесия – казалось, его подбросил трамплин и он завис в воздухе.

Как-то он подошел к ней, хотел предложить лыжную прогулку, но вначале поинтересовался, занимается ли она зимними видами спорта. В том, что она, с ее данными, играет в баскетбол, он не сомневался, даже думал, что она входит в сборную страны. Он подловил ее в коридоре института, когда она стремительно шла в свою лабораторию, шла зигзагами, обходя кадки с пальмами, как слаломистка – створы ворот. На его вопрос она в полуобороте ответила:

– Спорт – удел недалеких. Чем больше у человека мышцы, тем меньше в голове. Профессиональный спорт – вообще кошмар, а любительский... Ну, есть элегантные виды: верховая езда, фехтование... Извините, мне некогда, – она повернулась и продефилировала в лабораторию.

Все это она сказала без всяких эмоций; ее мысли были четкие и ровные, как прямая лыжня. Он был ошарашен, его зависание в воздухе окончилось плачевно – он упал на обледенелый склон. По пути в отдел он представил строптивую особу на лошади – ее ноги волочились по земле, а потом со шпагой – ее длинная рука с клинком насквозь протыкала противников. «Каланча! – сказал он про себя. – Но прекрасна до чертиков, как Снежная королева!»

И все же неудачный старт не обескуражил его; он приготовился к затяжному лыжному марафону, а для начала решил ввести длинноногую красотку в свою компанию. На следующий день снова дождался ее в коридоре и предложил «послушать музыку в обществе его друзей». И получил, как снежок в лицо, резкий отказ. С неизменным равнодушием она отчеканила:

– Я уже слышала о вас. Вы такой праведник, что тошно. Наверняка и ваша компания не отличается от вас, – и смерила его ледяным взглядом.

У него пробежали мурашки по спине, лицо побледнело, будто покрылось изморозью. А наутро воспалились глаза от бессонной ночи, было похоже – он получил ожог роговицы от резкого, сверкающего на солнце снега. Он привык к поклонению, и вдруг пришлось позорно сойти с дистанции.

В его груди забушевал пожар раненого самолюбия. Несколько дней он боролся с огнем: все свободное время, чтобы сбить пламя, проводил на лыжах, валялся в сугробах, но это не помогло, пожар разгорелся сильнее и уже вырвался наружу – его заметили все сотрудники института и открыто посмеивались над незадачливым героем зимней романтической истории.

Больше всех отпускал колкостей слесарь института Степан по прозвищу Коротышка, который обитал в подвальной мастерской. Коротышка был безумный тип: маленький, сутулый, почти горбун, да еще вечно угрюмый, с гнусавым голосом – со стороны он напоминал кривобокий снеговик с носом – красной сосулькой; от него постоянно несло машинным маслом и спиртным. Всех мужчин за глаза он называл «козлами», а женщин – «телками». Не раз его собирались выгнать из института за пьянство, но не могли найти замену.

– Кто сильно пьет, в крупном масштабе, тот и дела делает основательно, – ухмылялся Коротышка, ковыляя по институту с ящиком инструмента. – Ну, как дела с телками?

– С кривой усмешкой спрашивал он инженера, не глядя на него (он никогда не смотрел на собеседника, а зыркал глазами по сторонам, с нахальным видом сверлил сотрудниц).

– Небось, все вздыхаешь по этой новой телке?.. Сердце бабы надо завоевывать взглядом. Потом наплел ей что-то и в койку. На кобылку плюнь, тебе не обломится, у тебя не тот взгляд... А если башка по ней трещит, пропусти рюмку, враз полегчает. Водочка, она полезная вещь, помогает снять напряжение, сосуды расширяет. Спускайся ко мне в подвал, налью. У меня в загашнике всегда припрятано.

«Не обломится, не тот взгляд!» – эти слова долго звучали в ушах инженера, но он все-таки рискнул еще раз встать на лыжню и добраться до финиша. Подождал новую сотрудницу после работы и, пока они шли до метро под снегопадом, вернее, он семенил рядом, еле поспевая за ее гулливерскими шагами, безостановочно говорил о своем «чисто любительском отношении к спорту», об авторской песне, о холостяцкой квартире с неплохой библиотекой, в которой есть

книги и про конный спорт, и про фехтование... Она слушала безучастно, а у метро остановилась, смахнула с лица снежные хлопья и бросила на него убийственно-равнодушный взгляд.

– Неужели вы не поняли, что вы не мой тип мужчины? И не старайтесь напрасно, не выслеживайте меня.

На него как будто рухнула снежная лавина. Гулливерша исчезла за стеклянной дверью, а он долго стоял под снегопадом, смотрел на ее следы – слежавшиеся лепешки снега, похожие на вафли; стоял, точно замороженный, пока не превратился в белую статую.

Снег валил всю последующую неделю, засыпал город по первые этажи; чтобы выбраться из подъездов, дворники копали траншеи; снегоуборочные машины не справлялись со снежным валом, и местами встал транспорт.

Всю неделю инженер бурно переживал свое поражение. Пламя в груди утихло, но опалило все органы – они разболелись так, что врачи нашли перерасход энергии, истощение, и выписали больничный лист.

Страдание в любви всегда идет на пользу – открываешь в себе что-то новое; особенно страдание в снегопад – обостряются все чувства. Пока инженер болел, у него было достаточно времени, чтобы посмотреть на себя со стороны и сделать кое-какие поправки в своем образе жизни, а главное – во внешнем образе. Прежде всего, чтобы развеять слухи о парне-«душке», он станет серьезным и строгим, неприступной ледяной скалой; больше никто не получит от него ни улыбок, ни комплиментов. Оказывается, его приветливость, дружелюбие принимались за бесхарактерность, но теперь он покажет характер. Во-вторых, станет «настоящим мужчиной», сдержанным, твердым, даже будет, как все, немного выпивать спиртного во время институтских застолий (раньше пил только лимонад). Он докажет, что многого стоит, что она недооценивает его.

Он вышел на работу другим человеком и так умело играл новую роль, что по институту прошел тревожный шепоток, который, словно снежный ком, обрастал еще более тревожными слухами. Но игра далась ему нелегко; к обеду от напряжения разболелась голова и он, вспомнив средство Коротышки о «снятии напряжения», направился в подвал-мастерскую.

Он открыл дверь и оцепенел – из подвала прямо-таки вырвался снежный вихрь. Коротышка полулежал, развалившись в кресле, а на нем... сидела она! Сидела, широко раскинув длинные ноги, запрокинув голову, и страстно-яростно дергалась, точно исполняла финты фристайла, при этом одной рукой вцепилась в волосы Коротышки, другой закрывала себе рот, чтобы не кричать, но и от ее стона инженер оглох. У него перехватило дыхание; не в силах противостоять напору ветра, он несколько секунд глазел на дикую сцену; в одну из этих секунд она повернулась в его сторону и, сквозь снежную пелену, он заметил совершенно невидящий осоловелый взгляд. Больше всего в этой сцене его поразили ее ноги, белые, округлые, как две упавшие колонны. Он закрыл дверь, и уже вовсю бушевавшая в коридоре метель чуть не бросила его на пол; чтобы не упасть, он ухватился за косяк двери.

Его шок длился минут пять, и все это время он озирался вокруг, но ничего не видел, точно оказался в запотевших очках. Потом он встряхнулся и подумал, что яростный кошмар ему померещился, что во всем виновата разыгравшаяся в институте пурга; он снова чуть открыл дверь. Они уже поменяли позу: теперь он был сверху, как гном на великанше. Собственно, самого Коротышку инженер и не различил, его вновь поразили ее ноги – они вздымались до потолка, как два белоствольных дерева.

Он был уверен – на следующий день ее замучают стыд и позор, при встрече она зальется густой краской и убежит с подавленным рыданьем или вообще не выйдет на работу, а в дальнейшем уволится и исчезнет, как внезапно сгинувшая зима, но не тут-то было. Как обычно, она невозмутимо и холодно ответила на его приветствие и, не дрогнув, без тени смущения прошагала мимо, размахивая руками, точно лыжными палками. Казалось, все произошедшее

для нее – то же самое, что для него спуск с горы, или даже меньше – прогулка по лесу, или совсем мелочь – чашка кофе из термоса.

До завтра!

Самые лучшие компании, в которых я бывал, – компании джазовых музыкантов. Когда собираются мои знакомые писатели, они, испытывая жгучее беспокойство, говорят о гонорах, упорно заставляют слушать свои писания, вешают друг на друга ярлыки; когда собираются мои приятели-художники, они, распалив неконтролируемое воображение, говорят о картинах, над которыми работают, и в их словах сквозит неутолимое желание прославиться, под конец они непременно крепко выпивают и в винных парах захлеб болтают о женщинах; когда собираются мои друзья джазовые музыканты, они играют!

Вот уж одержимые люди! Ради музыки они отказываются от многих благ и удовольствий.

Меня окружает немало практичных людей; одни из них охвачены лихорадкой накопительства, вещизма: приобретают машины, строят дачи; другие из-за границы привозят шмотки, во всем стремятся перещеголять друг друга и никак не могут угнаться за своими дурацкими мечтами. А мои друзья-музыканты обитают в коммуналках, не вылезают из долгов, плохо обуты и одеты – некоторые всю жизнь не имеют костюма, – но скопили деньги на инструменты и при случае отдают зарплату за пластинки. Некоторые из них, получая гроши, играют в кафе, а остальные по вечерам кочуют из одного увеселительного заведения в другое, запросто забираются на сцену и присоединяются к играющим. И это так же естественно, как завалиться ночью с компанией к близкому другу.

На сцене они сильно заводят друг друга, особенно если врубят какую-нибудь зажигательную вещь, ну хотя бы «Как высоко луна». Раскопчегарятся – дальше некуда, весь зал трясет от их огня. А они знай себе посмеиваются, подмигивают друг другу, отпускают шуточки. Остроумные все, черти! Да и как не хохмить, ведь джаз в сущности веселая штука. Отыграв соло, раскланиваясь и улыбаясь, смахивая капли пота, они один за другим отходят в глубину сцены и оттуда, отбивая такты ногами, искренне восхищаются каждой отлично сыгранной фразой товарища. Вот это особое взаимопонимание, доброжелательное отношение друг к другу, искренняя радость от успеха других и отличают джазистов от всех других кланов.

На фестивале в Таллинне, когда десяток музыкантов из разных стран играли одну тему, я понял, что джаз еще и интернациональная штука. Но главное открытие, которое я сделал, слушая джаз, это то, что подобная музыка способна моментально поднять настроение или наоборот – заставить грустить. Стоило, например, послушать «Лору», как многое в жизни казалось ненужной суетой; стены кафе расширились, меня обволакивала какая-то теплынь, и, ощущая романтическую приподнятость, я переносился в яркие, светлые дни, становился тем, кем хотел быть, перед глазами появлялось то, что хотелось видеть.

Мне удивительно повезло: я застал время зарождения русского джаза. В те бурные шестидесятые годы в Москве открылся джаз-клуб, сколачивались ансамбли и одно за другим появлялись кафе – «Аэлита», «Молодежное», «Синяя птица», «Романтики». Окрыленная свободой молодежь смело утверждала себя. В кафе устраивали выставки художники-неформалы, читали стихи непризнанные поэты, пели первые джазовые певицы. Долгое время мы жили в духовном вакууме, без информации и общения с зарубежными сверстниками; пробивались, как ростки из-под асфальта, и вдруг – заграничные фильмы, пластинки, а главное – делай что хочешь и выноси на суд в кафе. Именно кафе играли первостепенную роль в формировании новой эстетики, новой культуры общения.

Сейчас на каждом шагу другие кафе, в которых разные ритм-группы через усилители обрушивают на слушателей ураган звуков и длинноволосые парни завывают писклявыми головами. Как ни силься, мелодии у этих музыкантов не уловишь, один скачущий напор, невразумительный каскад звуков; взрывы гитарных аккордов, уханье не барабана, а парового молота, хрипы, стоны, вопли, какие-то хронические экстазы – чумовая эстрада разбивает мозги. Длин-

новопосые парни выучили три аккорда, научились щипать гитары, но понятия не имеют, что такое мелодичность. В этих кафе редко увидишь танцующих пластично и страстно, как тогда, в шестидесятые, когда танцевали буги-вуги и рок-н-ролл. Сейчас в основном дергаются осоловелые джинсовые парочки, с выпученными глазами изображают припадочных, и кричат, и воют. Когда я на них смотрю, мне по-настоящему жаль, что эти молодые люди не приучены к классическому джазу, что они лишены удивительного искусства импровизации.

Трагедия в том, что бум свободы длился недолго и вскоре «непонятную» музыку, как вредоносную, вновь запретили. Но сейсмическое эхо сработало: то тут, то там полулегально продолжали играть джаз, правда, все реже, да и уже менялись вкусы – вовсю наступала примитивная массовая культура.

Я часто вспоминаю то золотое время, когда в кафе не только танцевали, но и слушали джаз и после каждой красивой вариации раздавались аплодисменты, восторженные восклицания. Это и понятно, ведь современный рок – всего лишь форма протеста, динамика состояния, а классический джаз – огромное музыкальное пространство, динамика чувств, определенная экологическая ниша. Рок выполняет не музыкальные, а социальные функции, а джаз – музыка свободных людей, для которых духовная жизнь и личное откровение – некий собственный Бог. Это подтвердит каждый, кому сейчас за сорок.

Наши первые джазовые музыканты учились мастерству у великих негритянских джазистов, развивали их знаменитые фразы, вносили в них свой национальный колорит, обогащали джаз фольклором. Одним из блестящих трубачей был Андрей Товмосян, человек, который самостоятельно научился играть на трубе и в своем мастерстве оставил далеко позади музыкантов, имеющих консерваторские дипломы.

Впервые я его увидел в «Аэлите» на Садовом кольце около Каляевской улицы: на сцене стоял невысокий сутулый человек с длинным носом и играл какую-то балладу в духе Клиффорда Брауна – этакая кружевная манера, причудливая и нежная, – прямо-таки фигурное катание в воздухе. Играл негромко, с недосказанной, как бы смазанной варьировкой, и все время около темы Гарнера «В тумане». Это было какое-то священнодействие – он совершенно околдовал меня. Я как вошел, так и остался приклеенным к двери. Перед ним зал оглушали лавиной звуков какие-то саксофонисты. Я слышал их из раздевалки. И вдруг... это звуковое облако: мелодичный рисунок, тихое откровение, утонченные, совершенные вариации, так называемый прохладный джаз. Какая-то хорошая грусть, как выдержанное вино, наполняла меня все больше и больше, пока я окончательно не раскис. Эта музыка, преображая окружающее, звучала во мне и в последующие дни, я не мог работать, все валилось из рук...

Позднее это состояние я испытывал каждый раз, когда слушал приглушенную игру Андрея. Что и говорить, он был чуткий, тонкий музыкант. А как человек – замкнутый, необщительный, мнительный, с болезненным воображением; в «музыкальной» компании сидел насупившись, а то и вообще отключившись – слушал музыку, но краем уха улавливал все разговоры и время от времени отпускал колкости в адрес приятелей. Очень любил посмеяться над другими, но жутко обижался, когда подтрунивали над ним.

– Непрозрачный человек, – говорили о нем.

А по-моему, он был очень прозрачный, и потом, чтобы так волшебным образом играть, нужно иметь доброе сердце.

Андрей жил в большой комнате, среди прекрасной неразберихи. У него почти не было мебели, только тахта, стол и старое кабинетное пианино. Зато вдоль стен стояли штабеля магнитофонных записей, старинных и редких книг, причем совершенно разных: Верлен соседствовал с кулинарией, «Система йогов» – с книгами по психиатрии. Андрей писал мрачные стихи с черным юмором и пародии на приятелей.

Когда я к нему заходил, мы слушали музыку, говорили о литературе, под конец Андрей брал трубу, надевал сурдину, чтобы не ворчали соседи, и играл любимые вещи. Как многие

одаренные натуры, он был противоречив и у него частенько случались перепады настроения. Как-то весело проиграл свою пьеску, разулыбался:

– Как ее назовем? Может, «Солнечный день»?

Потом вдруг помрачнел и проиграл эту же вещь грустно.

– А может, «Пасмурный день»?

За глаза Андрей называл меня «гениальный безумец», несколько преувеличивая мои способности. Ничего гениального, да и просто стоящего, я не создавал, а «безумец» – совсем неточно, я нормален до неприличия. Думаю, ему просто нравилось сочетание этих слов. Мне оно тоже нравилось.

Джазу Андрей отдавал все свое время; с человеком, не любящим джаз, он и разговаривать не стал бы – у него эта любовь была чуть ли не помешательством. Однажды мне заявил:

– Если я когда-нибудь женюсь, моя жена будет музыкантшей, от нее будет веять музыкальностью.

Эти слова я вспомнил через несколько лет, когда сидел с его женой на фестивале джаза в МИИТ. Андрей на сцене заканчивал блюз и, как всегда, последний квадрат играл ниже, чем предыдущие. Я был весь там, в музыке, и вдруг меня толкает локтем жена Андрея и спрашивает:

– Тебе нравится моя новая шляпа?

На ней красовалась не шляпа, а корзина с фруктами, ее лицо тонуло в косметике. Она была безвкусной женщиной, хотя работала портнихой, – одевалась с претензией неизвестно на какую моду, напяливала на себя все, что имела, и представлялась «модельершей». Глупая, но с претензией, она вечно помыкала мужем и при этом строила из себя наивную овечку. Она старалась быть на виду (садилась так, чтобы все оценили ее «линии»), постоянно строила глазки друзьям мужа, подогревая его ревность. Из-за нее Андрей вечно дулся то на одного приятеля, то на другого. Я сразу ему заявил, что она не в моем вкусе. Он ухмыльнулся, посмотрел на меня как на идиота, но с того дня привязался ко мне еще сильнее.

Все-таки после того концерта в МИИТ он встретил меня с надутой физиономией, прохладно, точнее – с ледяной суровостью. «Что такое, – думаю, – всегда улыбался, а тут еле процедил – Привет». Я стал перебирать в памяти последнюю встречу – вроде все было в порядке.

– Андрюш, – говорю, – в чем дело? Может, я обидел чем?!

– Чем, чем! Пока я играю, вы кадритесь.

С тех пор я обходил стороной его «модельершу».

Одним из первых наших джазовых музыкантов был и Герман Лукьянов, который считал себя лучшим трубачом в мире. Красивый внешне, он не пил, не курил, не ел ни мяса, ни рыбы, не мог долго находиться в одной компании, долго терпеть одного собеседника – его все раздражали. В кафе он никогда не появлялся с девушками; в их обществе корчил напускное безразличие, а то и болтал о «любовных» победах. Только однажды со мной разоткровенничался:

– Женщина, как правило, навязывает мужчине иллюзии, зачаровывает, околдовывает, парализует его волю, ощущение реальности. Я живу с матерью. Ни одна женщина не заменит мать.

Чувствовалось, слабый пол сильно ему насолил.

Герман – единственный, кто выпадал из всего джазового братства. Он стоял на сцене прямо, с каменным лицом, таинственный и недоступный, играл с открытыми выпученными глазами и никогда не улыбался. Отыграв ураганное начало, сразу уходил в какие-то мудреные завывания. Перед тем как с ним познакомиться, я слышал о нем только плохое, и как о музыканте, и как о человеке. Многие музыканты падали от смеха со стульев, когда он играл «колмановские» штучки, другие ухмылялись и отмахивались, кое-кто просто-напросто поносил его замысловатую игру. На это он позднее невозмутимо заметил:

– У каждого должно быть столько же друзей, сколько и врагов.

В зале действительно всегда сидели его поклонники и в молчаливом изумлении, затаив дыхание, ловили каждую ноту кумира, а после «потусторонних, запредельных» импровизаций стонали от восхищения.

Мне, как и большинству «нормальных» слушателей, не нравились выкрутасы Германа, его некоторая показушность и излишняя артистичность (на шее бабочка, в кармане пиджака треугольник яркого платка – и это вычурное обрамление среди скромно одетых товарищей). В своих надуманных импровизациях он совершенно не держал тему, его заносило черт-те куда. Я все надеялся, что надолго его не хватит, а он минут по двадцать закручивал головоломки.

Именно тогда я пришел к выводу, что в искусстве нужны простыми средствами выражать сложные мысли, а не усложнять простые вещи. Я считал, что джаз – компанейская и откровенная штука, а тут какая-то многозначительность, недостижимость, безмерная самоуверенность. И надо же! Когда меня с ним познакомили, он оказался приветливым парнем и умным собеседником. И невероятным спорщиком. Не помню, с чего зашел разговор о единомышленниках, но помню – я высказался в том духе, что творческому человеку необходимо общение с себе подобными. Герман стал доказывать, что «великие люди» (вероятно, имел в виду себя) редко дружат друг с другом, им не нужна подпитка, что чаще их друзья совсем из другой среды. В общем, спорил со мной, спорил, потом усмехнулся:

– Вообще-то бесполезно что-либо доказывать. У нас всех уже сложившиеся взгляды, убеждения, и вряд ли их изменишь, верно? Спор подрывает дружбу...

В тот вечер мы с ним перешли на «ты» и, я был уверен, расстались друзьями. В следующую встречу я чуть ли не бросился его обнимать, но он вдруг холодно протянул руку:

– Здравствуйте!

Он всех держал на дистанции и даже с оркестрантами говорил на «вы». И я ни разу не слышал, чтобы он хорошо отозвался о ком-нибудь из музыкантов:

– Андрей? Талантливый, но дурак. Игра без волшебства тяжело воспринимается... Владимир? Мертвый инструмент. Уровень ученика школы. Его ходы безнадежно заигранные... Алексей? Бедноватая техника.

В этих резких оценках сквозила повышенная требовательность; Герман сравнивал приятелей с лучшими исполнителями в мире. Я это понял позднее, а окончательно убедился, когда заикнулся о какой-то новой группе, работающей под битлов.

– Это не имеет никакого отношения к джазу. Эти сопливы лишены всего, – сказал он и постучал согнутым пальцем по виску.

Вокруг каждого талантливого человека кружат околотворческие люди; они, точно пиявки, сосут соки из своего любимца, обедняют его талант, затягивают в бессмысленное времяпрепровождение. Не каждый имеет самодисциплину, способность отказаться от жизненных соблазнов. Я так ее никогда не имел и ухлопал полжизни на всякие приключения. Именно поэтому меня всегда восхищали цельные натуры вроде Николая Громина, одного из лучших гитаристов, которых вообще знал джаз. Пожалуй, в то время его игра меня восхищала больше всего. В ней было столько изобретательности! Какая-то неистовая, ослепительная, искрометная фантазия! И сдержанность. Ведь именно в ней все дело. А его виртуозная техника! Он мог все. Полноватый, губастый, с умными, светлыми глазами и двумя-тремя волосками-нитками на голове – войдет в раж, губы отвиснут, щеки трясутся, весь красный и раздутый, точно накачан воздухом, – и каждый пассаж, каждый аккорд на нерве. Он держал зал в напряжении, вкладывал в игру всю душу, отдавал себя полностью, без остатка; отыграет – сразу худеет, точно из него выпустили воздух, и, вдрызг опустошенный, уходит в сторону; ему рукоплещут, а он еще минуту-другую приходит в себя, потом каким-то чудесным образом смущенно наклонит голову и шаркнет ногой по полу.

Он всегда внимательно, с профессиональным уважением, слушал игру товарищей – линию саксофона или трубы, и я видел, как теплел его взгляд, светлело лицо.

Часто Николай играл в паре с Алексеем Кузнецовым, тоже первоклассным гитаристом – да что там первоклассным! Он играл так, как всего несколько человек в мире! И что немало важно, никогда не выпячивался и со всеми держался с необыкновенной простотой. До знакомства с ним я думал, что все большие таланты – сложные люди с тяжелыми характерами. Оказалось, не все.

Так вот, когда Николай играл с Алексеем, тогда стоял такой упругий свинг, что весь зал лихорадило. Демонстрируя красивые ходы, Николай обыгрывал тему, Алексей аккордами создавал фон, а барабанщик Валерий Буланов палочками расцветчивал мелодию. Их трио прямо-таки дышало как единый организм. Отыграв тему, они по очереди исполняли соло, а затем наступало самое интересное: они играли вместе, по квадрату каждый, один начинает варьировать мелодию, второй продолжает. Доли секунды оставались для воплощения мысли в звуке, но что значит прекрасные исполнители! – они подхватывали фразу на лету и еще больше закручивали импровизацию. Новая музыка рождалась прямо на глазах, накал достигал предела, все вскакивали, нетерпеливо вскрикивали, дрожали от возбуждения, а музыканты вдруг неожиданно обрывали звуки и... сразу – тему, только намного горячее, чем в первый раз.

Николай работал экономистом в институте, а по вечерам играл в кафе; играл, повтोरюсь, вдохновенно, с кипучей самоотверженностью. О большинстве музыкантов он отзывался с похвалой, но в глаза мог и крепко отругать. А со слушательницами был предельно учтив. Как-то одна юная особа спросила его:

– Что нужно, чтобы научиться хорошо играть?

– Совсем немного, – ответил Николай с нежностью в голосе. – Любить инструмент и гонять пассажи по пять часов в день. И, как говорил Моцарт, «в нужное время нажимать на нужные клавиши». Вот и все.

Я был знаком почти со всеми джазовыми музыкантами, и надо же! – с лучшим, самым известным, бесспорно незаурядной личностью мне познакомиться так и не довелось, хотя я много слышал о нем и он вызывал во мне благоговейное почтение. Он напоминал Оскара Питерсона: и внешне – так же искрился весельем; и манерой исполнения – вихревыми каскадами пассажей. Его звали Борис Рычков. Трудно было поверить, что этот грузный, вечно улыбающийся толстяк может так легко играть. Его лапищи не касались инструмента – это было неумовимое прикосновение, порханье рук над клавишами! А зал наполнялся водопадом звуков.

Он всегда играл с улыбкой, музыка доставляла ему радость. Временами, импровизируя на стандартную тему, он даже дурачился: вставлял смешные фразы из других произведений, что, понятно, вызывало восторг и смех. Его композиции были неожиданными, но всегда точными.

Я уже сказал, что Рычков удивительно легко играл, но еще легче он вскакивал со стула, закончив пьесу, взволнованно оглядывал зал, как-то красиво и просто кланялся, держась за спинку стула, и быстро убегал со сцены.

Он начинал одним из первых, во времена, когда еще джаз считался «музыкой толстых», «веянием гнивающего Запада», когда нелегально привозились пластинки и их переписывали на «ребрах» – рентгеновских снимках, когда музыканты собирались в подвалах, постоянно опасаясь, что на них донесут. Но ко времени бума шестидесятых годов он уже имел свой ансамбль, с которым гастролировал от Москонцерта.

Солисткой их трио была жена Бориса – Гюли. Вот женщина! И создает же такое природа! Блестящая певица и красавица: точеная фигура, огромные глазницы с «самыми длинными в столице ресницами» и черные волосы, свободно спадающие на плечи. Понятно, мериллом всего является талант, но и внешность определяет многое, а вместе с обаянием это вообще значительная сила – перед Гюли открывались все двери.

Она появлялась на сцене, застенчиво опустив голову, обходила инструмент, робкая, точно ночной мотылек, кружащий у лампы, и начинала издали: после вступительных аккор-

дов, с потухшими глазами, еле слышно вела тему низким, хрипловатым голосом; но постепенно раскачивалась, ее глаза разгорались, а из хрупкого тела уже вырывался такой мощный голос, что по спине бежали мурашки.

Борис с женой и вне сцены смотрелись прекрасно: он – тучный здоровяк, а она – маленькая, изящная – такая контрастность как нельзя лучше подчеркивала индивидуальность каждого.

В «Аэлите» я познакомился с архитектором и саксофонистом подвижником джаза Алексеем Козловым, который неустанно экспериментировал: создавал различные группы, играл то джаз-рок, то фольклор Якутии, то вводил в ансамбли струнные инструменты, то синтезаторы, без конца искал «тембровые палитры», «новую фактуру». На мой дилетантский взгляд, в результате этой мешанины он так и не выработал свой стиль и слишком далеко ушел от классического джаза. На взгляд профессионалов, изоощренной элитной публики, был новатором, его музыкальный язык «опережал время». Несколько лет я пытался дорасти до понимания этих заковыристых новшеств, но так и не дорос и остался приверженцем традиционного джаза.

С Козловым внешне мы были на редкость похожи, до тех пор пока он не отрастил длинные волосы и бороду. Наше сходство помогало мне проходить в кафе во время закрытых вечеров: парни дружинники, увидев меня, открывали дверь. Правда, иногда кто-нибудь из них бросал:

– Ты что, сегодня без инструмента?

Собственно, в другие кафе я проходил как певец или басист. Кем только не был! А что делать? Хотелось послушать музыку.

«Аэлита» представляла собой большое помещение на первом этаже жилого дома: сцена, раздевалка, стойка, пять-шесть столов и две официантки – вот и все кафе. Сцена была крохотной, на ней еле умещался квартет; в углу стояло старое пианино. У стойки висел устрашающий список коктейлей: «Любовь с первого взгляда», «Гремучая смесь», «Солнечный удар», «Ядерный взрыв», но буфетчица тетя Маша выдавала только кофе и стакан сухого вина. (Коктейли продавались, когда зал снимала какая-нибудь организация). Зато на столах были чистые скатерти и девчонки официантки еще не научились грубить, а главное, можно было весь вечер просидеть за чашкой кофе – роскошь, не позволительная ни в одном заведении общепита.

Кстати, когда кафе арендовала организация, музыкантам приходилось играть разную заезженную мишуру, но ради других свободных дней стоило и помучиться.

Среди посетителей кафе было немало истинных ценителей джазовой музыки. Помню слепого паренька Володю, который ходил по улицам без палки, а слушая джаз, подпевал и отбивал пальцами по столу ритмический рисунок. Володя закончил иняз, работал переводчиком и одновременно собирал радиосхемы.

Помню Люсю, худую нервную фанатку джаза, которая носила дешевые платья. Она печатала статьи о джазе в журнале «Юность» и в брошюрах общества «Знание», являлась членом Европейской ассоциации джазовых критиков. Острая, восторженная и умная, она была неудачницей в личной жизни. Парни видели в ней зануду, «мозговую женщину» – «живет не сердцем, а головой, а в башке у нее электронная машина, все и всех вычисляет». А она поджимала губы:

– Горе от ума – единственное настоящее горе женщины.

Люся появлялась в кафе с подругой Валею, смуглой, цыганского вида молодой женщиной. Эта Валя всегда сидела молча, не привлекая внимания, но однажды вышла на сцену и так спела «Мисти» Гарнера, как ни до нее, ни после в Москве не пел никто! Ее не просто горячо приняли – ей устроили овацию, даже музыканты отбили ладони, а пианист Борис Рычков подошел и расцеловал ее. После этого Валею долго не отпускали со сцены, и она пела «Колыбельную птичьих островов» Ширинга, невероятно красивые вещи Джорджа Гершвина и напряженные – Кола Портера, кое-что из репертуара Рей-Кониффского ансамбля и даже «Чучу». Она подражала великой Элле Фитцджеральд, но кто не подражает в начале пути? Важно, кому подражать.

Что меня еще поразило в Вале, так это ее раскованная манера держаться. На фоне наших деревянных эстрадных певиц она выглядела прямо-таки западной звездой. Тайну мне открыл гитарист Андрей Гарин.

– Внешняя свобода идет от внутренней, – сказал он. – Мы жили под страхом, и наши души искорежены, а она полуцыганка, привыкла жить сама по себе, без всяких ограничений, раскрепощенно...

В то время Валя перебивалась случайными заработками, но вскоре прямо-таки взлетела на пьедестал – ее пригласили в цыганское трио «Ромэн», она сказочно разбогатела, стала ходить увешанная бриллиантами, но джаз не забывала и пела на всех фестивалях.

«Аэлиту» посещал мой старый приятель, фотограф журнала «Советский Союз» Виктор Резников. Он всегда выглядел отлично: в модном костюме, в квадратных очках, с камерой и кофром через плечо; на его куртке красовался значок «Пресса». Виктор неумоимо шелкал музыкантов и колоритных типов, добросовестно запечатлевал для потомков то неповторимое время. Виктору было некогда знакомиться с девушками, поэтому он считал, что мои приятельницы, с которыми я время от времени приходил в кафе, являются и его возлюбленными. Оттесняя меня в сторону, он запросто обнимал их, целовал, записывал их телефоны, да еще фотографировал, то есть получал двойное удовольствие. Частенько он и провожал моих подружек, из-за чего у меня с ним возникали трения, но Виктор все сводил к шутке:

– Девушки в кафе совершенно необходимы, – говорил Виктор. – Они поддерживают уровень застолья и завода на сцене.

Завсегдатаем «Аэлиты» был инженер Алексей Баташев, крупный знаток, «профессор» джаза, ведущая фигура в среде джазистов – именно он представлял музыкантов на выступлениях, а позднее написал книгу «Советский джаз» и пробил ее в издательстве «Музыка».

В «Аэлите» царил домашняя атмосфера, там можно было пообщаться с единомышленниками, узнать новости богемной жизни, но туда заходили и случайные люди, которые считали кафе забегаловкой, где «тунеядцы» попросту убивали время. Случалось, эти неизвестно откуда взявшиеся типы свербил:

– И что за чертовню играют?! Давай что-нибудь наше, русское! «Журавли», что ли! И за что им деньги платят?! Их бы всех в шахты да на лесоповал, этих выдувальщиков!

Или о выставке художников:

– Ну и мазня! Я бы и то лучше намалевал.

Эти воинствующие невежды освистывали читающих стихи.

– Бодяга! – кричали. – Народу это не надо! Интеллигентов много развелось! Все шибко грамотные стали!

– И откуда эта ненависть к интеллигенции? – вздыхала журналистка Люся. – Без интеллигенции заглухнет духовная жизнь, произойдет деградация общества.

– И вообще, почему искусство должно быть понятно народу? – вторила ей Валя. – Народ должен подниматься до его понимания.

Я слушал подруг и остро переживал незащищенность творческой личности в нашей стране.

Часто меж столиков носился вертлявый парень в яркой рубахе. Он был начисто лишен слуха – не пел, а каркал, но постоянно всех проверял: брякнется за стол, прокаркает музыкальную фразу и спрашивает с едкой усмешкой:

– Что за вещь, знаешь?

Забредали в кафе и бездомные парочки, которые только на время отстранялись друг от друга и молчаливо застывали в оцепенелой любовной муке; музыку они не слушали и вообще ничего вокруг не замечали.

Однажды в кафе гусарил парень с Кавказа. Он сидел с холодной блондинкой, держал ее за руки и без передышки с жаром что-то тараторил. Белое, точно гипсовое, лицо девицы даже

не розовело, она сидела непроницаемая, в унылой задумчивости. Два раза парень подбегал к оркестрантам и протягивал десятку:

– Ребята, дорогие! Можете не играть пять минут? С девушкой надо поговорить!

Ближе к закрытию он подошел весь измочаленный, взмокший, достал из кармана двадцать пять рублей и прохрипел:

– Дорогие мои, можете не играть совсем?! У меня вопрос жизни решается.

Появлялся в кафе и вечный жених Коля – фитиль с потасканным лицом; он производил впечатление человека, который только вылез из постели или вот-вот в нее влезет. В институте, где он работал инженером, был какой-то блуждающий график, полусвободное посещение – отличные условия для безделья. С откровенным цинизмом Коля говорил:

– Иду на работу, если по пути не встречу симпатичную девицу, работаю.

Коле было тяжеловато, ведь на улицах немало симпатичных представительниц женского пола и ему все время приходилось выдумывать новые способы обольщения. Как он не спятил с ума, не представляю. С неистребимым постоянством он всегда был с девицами, и всегда с разными. Я ни разу не видел его с одной и той же. Его подружки были высокие и маленькие, худые и полные, блондинки и брюнетки, но все красивые. Что они в нем находили, я никогда не понимал – за свое неприглядное поведение, жгучий интерес к любовным интригам и разговоры, в которых сквозила сексуальная тема, он слыл полным болваном. Да, собственно, у него все было написано на лице. Однажды он признался, что мечтает купить машину, «чтоб заняться автосексом».

– Секс ведь та же любовь, – спокойно, со знанием дела сообщил он. – Только без озаренья, без вдохновенья.

Я относился к этому Коле с горьким презрением и, сравнивая себя с ним, видел неоспоримое собственное превосходство, но его девицы почему-то этого не видели, и, естественно, я считал их дурехами.

Коля всех девчонок называл «кисами», чтобы не затруднять себя запоминанием имен, по каждому поводу тянул:

– О-о, это сближает!

Он выдавал себя то за художника и говорил девушке, что ему непременно надо написать ее портрет, то за режиссера и предлагал сниматься в кино. Часто Коля упрасивал какого-нибудь известного музыканта:

– Послушай, старина, ты не мог бы подойти к нашему столику и сказать: «Привет, Коля!»?

Вот так мелко и дешево он и охмурял красавиц. А может, и не охмурял, ведь я говорю, не видел его с одной и той же дважды. Скорее всего он просто был фокусником, но не иллюзионистом, то есть имел набор приемов для соблазнения, но не создавал экспозиции, атмосферы.

На улице Горького в кафе «Молодежное» играл квартет, в котором тон задавал лучший ударник Москвы, основательно чувствующий джаз Валерий Буланов. Серьезный, всегда гладко выбритый, в наутюженном костюме, он играл мастерски, без видимого напряжения, с выражением легкой иронии на лице. В тот вечер, когда нас познакомили, он потащил меня к себе домой и по дороге рассказал тьму анекдотов. Его мать встретила нас в штыки – отчитала сына, что забросил занятия в институте (Валерий должен был получить диплом инженера), но все же подала рассыпчатой картошки и чай. Всю ночь на кухне мы слушали пластинки; под утро Валерий выключил проигрыватель и подмигнул мне:

– Из двух талантливых людей успеха добьется тот, кто больше работает.

Он сел за ударную установку и повторил все удары Арта Блэйки. Его барабаны стояли перед зеркалом, он отрабатывал осанку и не просто играл, а играл красиво.

– Не из щегольства, – пояснил мне. – Красивые вещи надо и исполнять красиво, артистично.

В разгар его игры появились соседи снизу и пригрозили милицией. Пришлось закруглиться.

– Я оптимист и верю в то, что джаз завоеует нашу публику, – сказал Валерий, провожая меня. – Уверен, джазу дадут дорогу. Я говорю нашим ребятам «повязочникам» в совете кафе: «Джаз – народная музыка». А они мне: «Народная-то народная, но негритянская». Ну и что?! У нас есть и свои отличные композиторы и исполнители. И уже можно серьезно говорить о нашем, русском джазе.

Он предугадал события. Буквально через год скрепя сердце Министерство культуры выпустило один из наших ансамблей на фестиваль в Варшаву. Выпустило только для того, чтобы мы не прослыли безнадежно дремучими. И вот на том фестивале наши музыканты стали лауреатами. Им жал руки сам Луис Канновер! В числе лауреатов был и Валерий. Слава о его виртуозности, прогремев за рубежом, докатилась и до нашей страны... Обычно люди меняются от успеха и славы; Валерий, и это я могу засвидетельствовать, поскольку знал его не один год, не изменился – с друзьями оставался приветлив и открыт, с чиновниками из Союза композиторов – холоден и непримирим. Вот только с каждым годом он все больше выпивал, но и это делал красиво.

...Спустя много лет, когда на эстраде уже всюду процветали низкопробные шлягеры и вообще шло разложение общества, я случайно забрел в один захудалый клуб и вдруг увидел Валерия на сцене. Он играл в каком-то разношерстном ансамбле, пополневший, поседевший, с одуловатым лицом, но по-прежнему элегантный. «Узнает или нет?» – подумалось, а Валерий доиграл вещь, положил палочки на барабан, прыгнул со сцены, подошел ко мне, обнял и потащил в буфет «отметить встречу».

– Играю, когда приглашают, – устало сказал он у стойки. – Только теперь джаз никому не нужен. Посмотри в зал – молодежи нет, все старые лица. Получается, что мы прожили зря. Заниматься у нас джазом – изначально встать на гибельный путь. Поэтому мы все и проиграли... Работать свободно можно только на открытом пространстве, чтобы был обзор... А мы жили в замкнутом культурном пространстве, варились в собственном соку и не имели выхода на широкую публику.

– Неправда, – возразил я. – Ты все забыл. Вспомни фестивали в МИИТ, в Ленинграде, в Таллинне... И пусть вас было немного, но вы не дали прерваться традициям, которые начинали Варламов, Утесов, Лундстрем. Вы как раз то связующее звено, без которого все заглохло бы и наступил полный маразм.

– А-а, кому это теперь нужно! Вон вокруг что творится! И что интересует современную молодежь?!

Я смотрел на опухшее лицо Валерия и, колеблясь между надеждой на будущее и горечью от настоящего, думал: «Досталось же нашему поколению. Скольких искалечила система, сколько не состоялось талантов, сколько озлобилось, сломалось».

Через год Валерий умер от сердечного приступа. За его гробом шло всего пять человек, но все – выдающиеся музыканты.

На басу в «Молодежном» играл Андрей Егоров, курчавый парень с темными кругами под глазами и низким голосом. Вот уж кто умел создавать накал средствами ритмики. Вроде бы флегматик и струны перебирает слишком изящно, а свингует – хоть куда! Ради джаза Андрей бросил занятия в университете.

Как-то рано утром я забрел в кафе перекусить. За столами никого не было, вдруг слышу откуда-то глухие, упругие звуки. Заглянул в закуток, а за сценой Андрей репетирует, в поте лица гоняет гаммы по нотам.

– Хорошо, что заглянул, – обрадовался он и облегченно вздохнул. – Пойдем рванем по чашке кофе, устал как собака. Всю ночь репетирую.

Когда мы выпили кофе, к нам подсел какой-то паренек и, пожирая Андрея глазами, спросил, как надо играть. Андрей улыбнулся, показал на голову, потом на сердце:

– Закрой глаза, представь перед собой любимую девушку и играй все, что ты хотел бы ей сказать.

Руководитель ансамбля Владимир Сермакашев выглядел угрюмым, мрачноватым, в неряшливой, неопрятной одежде. Он медленно брал саксофон, неторопливыми движениями вытирал мундштук, перебирал клапаны инструмента, вразвалку, как бы нехотя, выходил на сцену и... выжимал из инструмента такие звуки, какие мог создать только очень жизнелюбивый, эмоциональный человек.

Странное дело, чем меньше Владимир говорил о себе, тем больше хотелось о нем знать. Я так просто сгорал от любопытства. Говорили, он закончил физфак и музыкальное училище по классу фортепиано – в самом деле, когда у него болели легкие и он не играл на саксофоне, все оценили его как пианиста.

Он женился на официантке из того же кафе, некрасивой, вульгарной женщине, которая была старше его и имела ребенка. Приятели отговаривали Владимира от этого брака, но он спокойно и решительно сказал:

– Ничего вы не понимаете.

А я думал: «Надо же, и для самой невзрачной женщины находится мужчина, который видит в ней красавицу».

На фортепиано играл Вагиф Садыхов, у которого было еще большее несоответствие внешности и внутреннего мира. Маленький, изящный интеллигент в очках за инструментом обнаруживал такую двужилы-юсть, что здоровяки вроде Бориса Рычкова только качали головой. О филигранной технике, хрустальных аккордах Вагифа говорить не приходилось – он заканчивал консерваторию.

– Закончу «консервы», но как сделать в Москве прописку, не представляю, – говорил он. – Фиктивный брак устраивать противно, потом буду себя презирать.

Ему выпал счастливый билет: он получил диплом с отличием и вскоре познакомился с красивой блондинкой; она каждый вечер приходила в кафе и предельно вдумчиво слушала музыку, но, прежде чем с ней заговорить, Вагиф долго трусил. Мужчины часто боятся красавиц, думают, что у них туча поклонников, что они привыкли к победам и грузовикам с цветами; считают красавиц богинями с таинственной жизнью, которой не смогут соответствовать. Наверно, бывает и так, но я знал одну красивую и неглупую женщину, которая страдала от одиночества.

– До чего ж мужчины трусливы, – как-то сказала она мне. – Еду в метро, стоит один, мой тип, прямо пожирает меня глазами. «Ну подойди», – почти шепчу ему, а он пятится.

Однажды Вагиф все же преодолел трусость и заговорил с блондинкой.

– У меня характер не подарок, – заявила она, – но я безумно люблю музыку.

Через неделю Вагиф сделал ей предложение, и они прямо в кафе устроили музыкальную свадьбу.

Оркестр Сермакашева считался отличным, сыгранным ансамблем, в котором каждый был первоклассным музыкантом, но самым веселым слыл Валерий Панамарев – рыжеволосый, веснушчатый крепыш и самый бедный из всех музыкантов. Он долго копил деньги на собственный хороший инструмент, кое-как перебивался с женой и ребенком, подрабатывал на инструментах приятелей и все же купил себе хорошую трубу. Вначале он играл слишком громко – в его игре не было сдержанности, которая, как правило, говорит о глубоком мышлении. Во всяком случае, я всегда слышал разницу в исполнении трубача Андрея Товмосяна и его, Валерия. Он играл грубее.

– Кочумай! Играй с сурдиной! – то и дело ворчал Сермакашев. – Всех забиваешь своей дудкой!

Частенько Валерий играл на барабанах и тогда всех оглушал грохотом. Как-то я предложил ему поиграть на басу, чтобы получилось потише. Он засмеялся:

– А на фига тише! Лабать надо так, чтоб будоражить!

Как все уверенные в себе люди, он был великодушен и умел подтрунивать над собой. Он ходил в мятых брюках, ситцевой ковбойке, стоптанных ботинках, но всегда сияющий, приветливый. Только однажды я увидел его грустным – после того как мы прослушали пластинку Клиффорда Брауна, он выдохнул с потускневшим взглядом:

– Так я не смогу сыграть никогда.

В «Молодежном» тоже были свои постоянные посетители и среди них – группа глухонемых; говорили, они любят «слушать музыку». Что правда, то правда: глухонемые сидели в зале не шелохнувшись и с такой серьезностью таращились на исполнителей, что казалось, они чувствуют музыку кожей.

Часов в девять-десять вечера в кафе прямо с концертов прибегали музыканты, играющие в оркестрах Москонцерта, чаще других – парни из диксиленда Владислава Грачева. Они доставали инструменты и, без всякого разогрева, сменяя друг друга, устраивали настоящий фестиваль музыки, а в заключение все вместе исполняли какую-нибудь горячую вещь Паркера вроде «Настало время» или «Кожура яблока». Это было поразительное зрелище.

В кафе «Романтики» на Комсомольском проспекте играл мой приятель Борис Акимов. Никто не видел его кислым, потому и считали «везунчиком». На самом деле Борис не подавал вида, когда ему бывало плоховато, но послушай тогда его игру! Тогда даже в самых заводных вещах вроде «Улица, на которой ты живешь» Фрэнсиса Лоу импровизации становились плывучими, с отставаниями, в свободном, меняющемся ритме, в плеске рояля слышалась какая-то недосказанность. Зато в настроении Борис извергал пассажи в бешеном свинговом ритме. Если он расхотелся по-настоящему, его нельзя было остановить – исполнял одну вещь за другой. И главное, со стороны казалось, все это делал шутя, небрежно. Но это только со стороны. В том-то и дело, что за этим стояла адская работа, не один вечер выучивания ходов пианистов виртуозов. Так иногда смотришь на какую-нибудь линию художника и удивляешься ее простоте и думаешь, что и сам мог бы сделать что-нибудь подобное, а для того, чтобы провести эту линию, художнику понадобилась целая жизнь. Безусловно, профессионализм – это прежде всего жесткая требовательность к себе, напряженная работа в одиночестве.

Когда я заходил в кафе, Борис кивал мне и, отыграв вещь, начинал одну из боссанов Жоао Жальберто, для меня. Никто этого не знал, но он играл только для меня, потому что я любил эти вещи. И, ясное дело, я стоял невероятно довольный. Закончит Борис играть, подойдет:

– Клевая вещь! – скажет.

Мы сядем за оркестрантский столик, покурим, поговорим. Я был страшно горд в те минуты, что вот так, запросто, могу сидеть со знаменитым пианистом. На другие столики, где не сидели знаменитости, я смотрел с некоторым превосходством.

Хорошо было у Бориса. На сцену выйдет какая-нибудь поэтесса, прочитает стихи, или парень в трико покажет пантомиму. Можно было подойти к стойке и выпить стакан вина или, если крутили шлягер, потанцевать. Можно было попросить Бориса сыграть «Звезды Алабамы», или «Сентябрь в дождях», или отличную тему «Дым в глаза» Джерома Керна. Борис играл все, что бы я ни просил. Не каждый может подобным похвастаться, хотя, я думаю, настоящий музыкант и должен быть таким, а не ломаться и не корчить из себя черт-те кого, как это делали некоторые.

Ансамбль Бориса начинал тот самый «Дым» красиво. Борис брал несколько синкопированных аккордов, и саксофонист Виктор Зубов с захода начинал нежно импровизировать, причем такими законченными фразами, что не поймешь, случайна ли эта находка или четко отрепетированный образ. Во время импровизации саксофониста Борис с тромбонистом Алексеем Бахолдиным вставляли риффы, повторяющиеся фигуры, потом ударник Владимир Васильков

делал сбивки и саксофонист уступал место тромбонисту, потом тот – Борису (он играл с басистом Анатолием Соболевым) – каждый по квадрату, потом все вместе и – конец.

Борис был нервный, впечатлительный, работал инженером, изучал английский и французский языки и подрабатывал переводами. Он неплохо знал литературу и никогда не расставался со «Спидолой» – просыпался, сразу включал; умывается, завтракает – слушает. В автобусе едет – антенну выставит в окно. Приемник он любил больше всяких пластинок и лент.

– Живое общение, чувствуешь далекую атмосферу, а в записи все уже не то, – подмигивал мне.

Борис был добропорядочным семьянином; любил жену и дочь; они начинали с нуля, но со временем вступили в кооператив, купили пианино, «жигули», приоделись в дубленки. Они любили деньги, и это мешало им видеть многое другое в жизни. Позднее Борис стал руководителем оркестра в ресторане гостиницы «Советская». Спустя несколько лет я заехал к нему домой. Мы распили бутылку вина, он сел на диван, одной рукой обнял жену, другой – «Спидолу».

– Мое счастье со мной, больше мне ничего не надо, – проговорил.

Он располнел, от его нервозности не осталось и следа – в благополучной жизни ему было легко сохранять спокойствие.

– Меня многие недолюбливают, – признался он. – И плевать! Я слишком преуспеваю, чтобы вызывать симпатию. Симпатии всегда на стороне неудачников... Я считаю, в конце концов каждый получает то, чего заслуживает.

Теперь, когда он всего добился, ему казалось, что в жизни все правильно и справедливо.

Чаще всего я заходил в кафе «Синяя птица» – подвальчик на углу улицы Чехова. Года два-три я торчал в этом погребке чуть ли не каждый вечер. Там играл квартет Виталия Клейнота, а на фортепиано – мой близкий друг, который открыл мне мир джаза – Валерий Котельников – Котел, как мы его звали.

Котел – живописный человек: высокий, черноволосый, с глубокими темными глазами, которые просто завораживали слабый пол. Я помню, как на один фестиваль пришли его поклонницы из всех районов Москвы, а одна барышня даже прикатила из Ленинграда. Днем Котел писал кандидатскую в институте нейрохирургии, по вечерам играл в «Птице».

Котел случайно стал музыкантом. Мальчишкой бежал на стадион, вдруг пошел дождь, спрятался в подъезде, а там музыкальная школа. Разболтался с каким-то шкетом сверстником, и тот ему брякнул, подойдя к роялю:

– Попробуй!

Попробовал – понравилось, остался, навсегда связал себя с музыкой.

В музыкальной школе говорили: «У него абсолютный слух». А соседи твердили, что он кровопивец, что от него нет житья, что он всех доведет до инфаркта. Котел, действительно, с самого начала принялся за дело с большим воодушевлением, всех «изводил» своей музыкой: по три часа в день гонял гаммы, потом еще играл мелодии и для ритма топал ногами, а в паузах хрипел и свистел – изображал целый оркестр и ликующую толпу. Что только с ним ни делали! И стекла били, и записки с угрозами писали. В конце концов соседи надели на жэк, Котлу для занятий музыкой отвели пристройку к бойлерной, и он там пугал голубей и кошек.

Закончив школу, Котел разочаровался в фортепиано и научился играть на флейте; правда, и ее собирался бросить и переключиться на ударные – он любил перемены.

Где только Котел не играл! Вместе с тромбонистом Игорем Заверткиным «дудел» на флейте в театре «Современник» в пьесе «Вкус черешни», где нужен был небольшой джазовый состав; подрабатывал аккордеонистом в цирке – «музицировал» на арене среди слонов; играл на похоронах и свадьбах. Случалось, в одном зале ресторана исполнял бурную вещь на свадьбе, а отыграв, перебежал в соседний зал, где отмечали поминки, и начинал что-нибудь печальное.

Руководителем ансамбля в «Птице» считался саксофонист Виталий Клейнот, но эта его должность была чисто номинальной (ради формальности), на самом деле все музыканты были равны и руководил ансамблем тот, кто в данный момент находился в лучшей форме. Если Виталий чем и выделялся, так только своей странностью. С ним было бесполезно говорить, когда кто-нибудь играл, – он отвечал невпопад; да и когда никто не играл, разговаривал рассеянно и сбивчиво – слушал музыку, которая звучала внутри него.

Виталий любил играть Гершвина, особенно «Кто-то смотрит за мной» и делал прекрасные обработки песен Дунаевского, а дома на стенах его комнаты висели пейзажи «какой-то старушенции», как он говорил, но все были уверены, что картины он писал сам – те пейзажи отображали довольно безрадостные виды, что вполне соответствовало образу Виталия; к тому же на многих картинах красовался саксофонист.

Постоянного ударника в ансамбле не было: то один играл, то другой, дольше всех – Слава Мосягин, который, кстати, отбивал ритмы на фужерах, чашках, спичечном коробке – озвучивал каждый предмет. Он всегда был гладко причесан, набриолинен; по слухам, планировал стать парикмахером – то есть днем работать в салоне, а по вечерам играть на барабанах.

С басистом ансамбль проблем не имел – их числилось двое, и оба – первый класс! Они играли попеременно – Володя Данилин и Ваня Осенин, талантливейшие музыканты, по отзывам друзей – «с высоким интеллектом». Они почти не отличались друг от друга: худощавые, светловолосые, в неновых, но опрятных костюмах; оба играли вдумчиво и старательно – чувствовалось, им нравилось выписывать фигуры.

Володя закончил институт восточных языков, жил в Подмосковье, преподавал английский язык в школе и игру на контрабасе – в музучилище. У него был отличный литературный вкус и умело подобранная библиотека, и встречался он с очень начитанной девушкой.

Ваня приехал из провинции, поступил в консерваторию, но через два года учебу бросил, «чтобы полностью посвятить себя джазу»; одновременно женился на девушке, «прекрасной во всех отношениях». Ваня был каким-то незащищенным, чрезмерно простодушным, доверчивым; любил поговорить о политике и слыл «опасным мечтателем». Говорил тихо, слушал рассеянно, но ритмику держал как надо и струны перебирал с исключительной мощью. Только, когда играл соло, уходил в какие-то индийские мотивы и его игра постепенно тускнела.

Дома в глубокой тайне Ваня разрабатывал систему «человек-оркестр»: присоединял датчики от усилителей ко рту, рукам и ногам и пытался изобразить квартет. Другьям он делал многозначительные намеки, что скоро они услышат «нечто грандиозное восточного колорита». Этого друзья не услышали. Вскоре Ваня трагически погиб во время пожара в гостинице «Россия», где играл в то время. У могилы на Головинском кладбище стояли его молодая жена и восьмилетняя дочь. В тот же день в память о нем состоялся один из лучших джазовых концертов.

В «Птице» я познакомился с гитаристомлевой Лютовым и хромым басистом Антоном Андрюшиным. Крепыш Лева вместе с инструментом таскал погрузочные ремни – днем подрабатывал на погрузке мебели. Веселяга и гуляка Антон носил прозвище Берлога (по его виду удачней не придумаешь), и его жилье в Тушино выглядело медвежьим логовом: однокомнатная квартира, продуваемая насквозь, без всякой мебели. Лева с непреходящей страстью увлекался джазовыми композициями, а Антон руководил ансамблем в ресторане «Националь», и не играл, а деловито отрабатывал свое. Во время игры подмигивал мне, отпускал нахальные шуточки, корчил рожи, кивал на красивых девушек, а иногда закатывал глаза к потолку, и я был уверен – подсчитывает, сколько «подхалтурит» за выступление; в душе у него всегда был мир с самим собой.

Случалось, в «Птицу» заглядывал сорокалетний испанец, который находился в Москве на врачебной стажировке. Он был тайно влюблен в певицу, которая выступала с оркестром.

У нее были черные волосы и голубые глаза – он звал ее «голубые испанские глаза». Как-то, пораженный голосом и глазами певицы, испанец, не поморщившись, отдал ей сто рублей:

– Вам пригодятся. Я знаю, вы одинокая женщина, а я все равно пропью.

Певица ослепительно улыбнулась и приняла деньги без смущения.

Когда испанец спускался в погребок, оркестр начинал «Бесаме мучо». Гость сиял, кланялся, прикладывал руки к сердцу, посылал воздушные поцелуи. А раз спустился удрученный, не поднимая головы; взял у стойки бутылку коньяка, подсел к оркестрантам:

– Давайте выпьем, ребята! Сегодня умер прекрасный композитор, автор «Гранады».

Бывало, у Котла выпадали свободные от работы часы, он приходил в кафе днем, когда почти не было посетителей, и гонял гаммы по клавиатуре фортепиано, придумывал свои версии известных джазовых стандартов. Помню, я половину отпуска проторчал на ипподроме и вот захожу в кафе, а Котел мне сразу:

– Послушай, какой вальс я сочинил!

И так мне стало стыдно за свое дурацкое времяпрепровождение, стыдно от собственной никчемности, так я по-хорошему позавидовал Котлу.

Все вечера напролет я торчал в «Птице». Ближе к полуночи мы с Котлом направлялись к метро, шли по гулким пустынным улицам, напевая разные темы, а перед тем, как расстаться, всегда затягивали «Бразил». Под конец Котел крепко жал мне руку:

– До завтра!

Кстати, «Бразил» в те годы была нашим гимном, и теперь, когда я слышу эту мелодию, передо мной встает уютный подвал, картины левых художников, лица джазистов – то счастливое время, время нашей молодости, и меня охватывает какое-то прекрасное чувство, сравнимое с грустью после праздника.

Все кафе находились под опекой, и одновременно под контролем, комсомольцев из райкома. Мы считали их бездельниками особого рода, словоблудами карьеристами, будущими начальниками, которые только умеют приказывать и наказывать. Особый отряд комсомольцев – дружинники стояли при входе в кафе; в их обязанности входило следить за танцующими (раскованность в танце допускалась только до определенной нормы: двум девушкам танцевать запрещалось и запрещались групповые танцы). Но в «Птице» среди этих стражей нравственности нашелся чудак, который не выполнял установок райкома, что являлось неким своеволием. Этим чудачком был высоченный рыжий Паша по прозвищу Шкаф. Паша на все махал рукой: что выставят, что прочитают, кто как одет, как танцует, где целуются – хоть стой на голове, лишь бы не драка. Его считали безнадежно глупым, но безвредным.

Как-то он сказал:

– Я иду в рай, живу праведником, и к чему мне мараться? Кому-то мешать. Каждый по-своему с ума сходит.

Не так-то он был глуп, хотя и выбрал странную дорогу в рай.

Как известно, демократический процесс шестидесятых быстро пошел на убыль. Сверху покатались жесткие установки: что можно, что нельзя. В кафе появились крикуны стукачи, которые вылезали на сцену с провокационными лозунгами и высматривали согласных и несогласных, потом усаживались в углу и «брали на заметку» всех выступающих. Мы-то, «волкодавы», прошедшие «школу страха», четко определяли этих типов, а разные желторотые поддерживали «ораторов». Мы цыкали на них, а они знай вякают. Больше этих желторотых в кафе не видели.

А потом в газетах стали громить джазовые ансамбли и кафе, «не выполняющие план» (ведь мы пили в основном кофе); «неизвестные» испортили и даже своровали несколько инструментов; городским властям, как по команде, посыпались жалобы от жильцов, соседствовавших с кафе – писали о «чужой, безнравственной музыке», о «растлении»... Один за другим

уехали на Запад Сермакашев, Панамарев, Громин и еще десяток музыкантов. Русский джаз потерял целую обойму прекрасных исполнителей.

А в это время в заводских клубах множились другие ансамбли – вокальные ритм-группы с электрогитарами, подражатели битлам. Они делали оркестровки популярных песен и исполняли их на низком профессиональном уровне, но, как известно, посредственность доступна и потому популярна. Эти ансамбли никогда не вытеснили бы представителей традиционного джаза, если бы не поддержка со стороны Москонцерта. А поддерживали их, потому что они играли «свое»; пусть исполняли плохо, но «свое». Как будто джазовые вещи «Господин Великий Новгород», или «Коррида», или «Терем-Теремок» не свои!

Первым из кафе в середине шестидесятых годов закрыли «Аэлиту», года через три из «Птицы» убрали музыкантов Клейнота, еще через полгода заменили состав в «Молодежном».

Некоторые из джазистов стали коммерческими музыкантами, устроились в большие гастрольные оркестры – искусство для них поменялось и стало просто статьей дохода. Как-то встречаю Алексея Кузнецова; скривив рот, он усмехнулся:

– Работаю с одной певицей, заколачиваю кучу денег, а играю всего две ноты. И для чего я столько лет всему учился?!

Другие музыканты осели в ресторанах и за приличные оклады играли в основном шлягеры. Однажды захожу в ресторан СЭВ к Андрею Товмосяну, он хватает меня за руку и тащит на эстраду:

– Выручай! Гитарист опаздывает, а в зале проверяющие, комиссия Москонцерта. Пощипи гитару!

Я оторопел:

– Ты что, спятил? Я никогда и в руках ее не держал!

– Кого это интересует? – поморщился Андрей, удивляясь моему слабоумию. – Была бы единица на месте.

И мне ничего не оставалось, как изображать гитариста.

Кстати, еще раньше, тоже «для счета», у Владимира Сермакашева я «играл» на барабанах, в «Птице» у Котла – на басу, а в «Романтиках» у Бориса Акимова даже спел куплет популярной песни. Можно сказать, прославился – «поиграл» со всеми лучшими музыкантами, и только у меня наметились кое-какие успехи, как ансамбли стали распадаться. Когда они окончательно распались, почти всех музыкантов я потерял из виду. Большинство из них, как я уже сказал, устроились в процветающие гастрольные оркестры, некоторые вернулись к своим основным специальностям и играли джаз два-три раза в год по случаю какого-нибудь праздника, кое-кто совсем забросил джаз вроде отличного саксофониста и отличного парня Валентина Ушакова, который стал директором какой-то фирмы.

Самый плохой на свете

– Вы не предупредительный мужчина, – с шутливой приветливостью сказала она, когда они вышли из троллейбуса и он не подал ей руку.

А до этого, пока они ехали на задней площадке и троллейбус дергался, он два раза наступил ей на ногу, извинялся, краснел, а она с улыбкой замечала:

– Ничего страшного, но вы очень неуклюжий мужчина, – и смотрела на него выразительно; как ему казалось – многообещающим взглядом.

Так и произошло их знакомство. Позднее, при первом свидании на бульваре, когда он пришел без цветов, она бросила легкий упрек:

– Вы самый невнимательный ухажер на свете. Мне не нужно ничего особенного, всего лишь маленький букетик цветов... Поверьте, я не каждый день хожу на свидания...

– Понимаете, я никогда не умел ухаживать за женщинами, – простодушно оправдывался он.

– Это чувствуется, – без всякой иронии кивнула она. – Серьезное упущение, но учитесь. Это совсем не сложно, если обожаешь женщину... Ведь даже в природе воробей ухаживает за воробьишкой, собака-мальчик за собакой-девочкой, разве не так?

Они зашли в кафе, причем инициативу проявила она: предложила «посидеть за столиком» – то ли устала целый час ходить по бульвару на высоких каблуках, то ли ей наскучил его рассказ о «полупроводниках» и инженерах сослуживцах – короче, без всякого уважительного повода предложила «посидеть за столиком и выпить по бокалу вина».

– Вам очень не идет этот костюм, – сказала она за столом. – Вы в нем словно в скафандре. Носите свитер, в свитере будете выглядеть намного привлекательней, поверьте мне.

– Я не придаю большого значения одежде, – попытался он оправдаться.

– Напрасно. В костюме у вас какой-то официальный вид и манеры скованные. К тому же этот костюм старомоден, вы в нем как будто выпали из времени... И потом какой же вы все же наивный. Неужели вы думаете, что женщине филологу интересно слушать о каких-то «проводниках»? Расскажите лучше о своей личной жизни, о том, как проводите свободное время, чем увлекаетесь? У вас есть хобби?

Она сразу взяла тон великодушной учительницы, по-дружески распекающей незадачливого ученика, и как бы давала понять, что не прочь взять над ним шефство, если он будет послушным. И странное дело – он готов был подчиниться этой красивой, уверенной в себе женщине; ему даже нравилось выслушивать колкости – они свидетельствовали о заинтересованности им, желании сделать из мужлана – каким он и сам себя представлял и от чего страдал – современного мужчину и, разумеется, не для кого-то, а для себя, то есть ее слова являлись неким любовным авансом, несомненным знаком серьезного отношения к нему.

Он никогда не отличался говорливостью, но с ней, такой разумной, испытывал потребность излить все, что долго держал в себе: рассказал о затянувшейся холостяцкой жизни и «оборонительной позиции» в этом вопросе, поскольку привык к определенному укладу своей жизни; рассказал о коллекции книг по фантастике, и увлечении «неопознанными летающими объектами», и о самом интересном на его взгляд, чем мог завоевать сердце женщины, – о байдарочных походах с друзьями во время отпуска. Она внимательно слушала, подперев щеки руками; вначале жадно вопрошала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.